

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВ

16+

БУДЕМ ЖИТЬ ПО-НОВОМУ!
ОСВОБОДИТЕЛЬ. Книга 3

Александр Кириллов

**Будем жить по-новому!
Освободитель. Книга 3**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кириллов А. Л.

Будем жить по-новому! Освободитель. Книга 3 /
А. Л. Кириллов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99588-8

Сознание нашего современника, военного пенсионера Александра Королева, попадает через временной портал из июля 2020 в июль 1941 года в тело 27-летнего командира стрелковой роты старшего лейтенанта Александра Кольцова, отступающего с бойцами своей роты под ударами немецко-фашистских захватчиков к Москве. На дворе идет 1943 год, когда Красная армия громит фашистов, гоня их назад к западным границам страны. Наш герой также участвует в освобождении своей Родины, находясь на самых горячих участках фронта.

ISBN 978-5-532-99588-8

© Кириллов А. Л., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. На Центральном фронте	5
Глава 2. Важные планы и большие дела	12
Глава 3. Тяжелые будни на Курской дуге	18
Глава 4. Охота на «Вервольфа»	31
Глава 5. К берегам Десны	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Кириллов

Будем жить по-новому!

Освободитель. Книга 3

Глава 1. На Центральном фронте

Вернулся я в полк через сутки, доехав снова в купейном вагоне пассажирского поезда. Мы долго и часто стояли на полустанках, пропуская спешащие на фронт воинские эшелоны. Но вот настал долгожданный момент, и поезд прибыл на вокзал города Ростова-на-Дону. Выйдя с вокзала, я шел прогулочным шагом по весеннему городу со своим чемоданом, наслаждаясь солнечной погодой и ощущением родного города. Одет я был в парадный мундир, с оригиналами медалей и орденов, а не орденскими планками, почему-то захотелось вернуться в полк при параде. Да и не хотелось мять в чемодане военную форму. На дворе стояло утро 7 марта 1943 года.

Я возвращался на базу, идя по улице Большая Садовая – главной улице города. Трех- и четырехэтажные дома, построенные в прошлом веке, частично были разрушены, а частично сохранились и, проходя мимо, я узнавал их взглядом из будущего. Вот стоит здание, где будут когда-то размещаться КГБ и МВД, дальше педагогический ВУЗ, а это Консерватория, вот ГУМ, а построен городской Дом офицеров, а за ним, чуть в стороне, разместился водочный завод, кстати, вы тоже об этом подумали? Все-таки 8 марта на носу! Но, увы, завод не работал, потому что просто не было сырья для производства алкогольных изделий.

Девочка лет семи, стоящая на углу «Дома книги» продавала подснежники.

– Это у тебя что такое, малышка?

– Подснежники, дядя военный, у нас в саду каждый год растут.

– И почему же эти подснежники у тебя, Снегурочка?

– Двадцать рублей букетик из 7 цветочков, только они нежные очень, не помните их, только я Вика, а не Снегурочка.

– Давай все твои девять букетиков, а вот тебе еще и подарок. Я покопался в своем чемодане и достал оттуда три яблока и 200 граммовую пачку печенья, которые купил в Кабардинке.

– Спасибо, дядя командир!

– Пожалуйста, девочка красноармеец!

– А мы с ребятами нашим солдатам помогали, показывали, как лучше пройти, чтобы немцев окружить, когда они у нас в домах прятались.

– А что, ребята тебя брали с собой?

– Это я их брала, они маленькие еще. Мне семь лет и девять месяцев, а им по 7 лет всего лишь.

– Ну, раз ты такая взрослая и боевая, что помогала нашим бойцам, то за такое серьезное и нужное дело надо вас всех серьезно поощрить, поэтому приходи завтра с ребятами сюда в это же время. Я, или мой заместитель, товарищ комиссар, завтра все выясним лично у вас, кто и кому помогал, и, как командир отряда, в честь женского праздника и освобождения города Ростова, выпишем каждому помощнику благодарность от лица Красной армии.

Я протянул ей руку и она с очень серьезным выражением лица пожала её.

Через полтора часа я дошел до нашего объекта. На входе меня встречала вся наша гвардия. Во дворе был построен личный состав полка в несколько шеренг, кроме тех, кто был на дежурстве или отсыпался после ночной смены.

«Где срисовали-то меня?» – спросил я у Ледкова.

– С самого поезда, а пока ты там с девочкой разговаривал, Алексеев сообщил по рации, что ты пешком идешь, вот и встречаем тебя, командир!

– То-то мне показался чем-то знакомым прошедший мимо меня солдат, Андрюха, значит, заgrimировался.

«Так точно, товарищ командир, – сказал Алексеев, появившись сзади нас, – но видать не совсем хорошо заgrimировался».

– Хорошо всё, просто абрис лица, да и глаза особо-то не заgrimирешь, и, если хорошо знаешь человека, то можно узнать его. Здравия желаю, товарищи красноармейцы отдельного гвардейского полка особого назначения!

– Здравия желаем, товарищ гвардии полковник!

– Поздравляю весь женский коллектив нашего полка с наступающим международным женским днем 8 марта!

– Ура! Ура! Ура!

– Полк, разойдись!

Я вручил подошедшим девушкам из каждого подразделения букетики подснежников и три бутылочки вина, сделанного из собственного винограда частниками-виноделами юга.

– Девушки отмечают завтра праздник с вином, а мы уж по-старинке, крепкими алкогольными напитками обойдемся.

После встречи, я провел совещание с командным составом по текущему состоянию дел, на котором рассказал о нашей работе в Новороссийске, а соратники – о делах полка. Эшелоны были «зафрахтованы», а точнее, как обычно делалось в это время, с криком и маханием приказом, выбиты у начальника железнодорожной станции Ростова и сейчас на них под присмотром Воронова и Евсеева грузился автотранспорт полка. Мы отмечали этот праздник, к которому наша шеф-повар старший сержант Татьяна Сергеевна Маслова, бывшая до войны поваром в большом ресторане, совместно с Иваном Трофимовым и остальными солдатами-поварами приготовили из обычных продуктов очень симпатичные блюда. Народ подпил и расслабился. Женский коллектив полка: медсестры, врачи, повара, «финики» танцевали под патефон и пели песни.

Наш сапер Донов Дмитрий вполне приличным баритоном исполнил несколько народных украинских и русских песен, которые были близки и знакомы нашим бойцам, так что подпевали ему хором. Воевал и пополнялся наш полк на юге страны, поэтому в нем служило много бойцов именно с юга России, в частности, с того же Ростова-на-Дону и области. Этот город в какой-то степени был родным местом и для меня.

Неожиданно наш серьезный начштаба Вадим Недогаров выдал экспромт:

«Выдь на Дон, чей вой раздается

Над великою русской рекой?

Этот вой у нас песней зовется,

То наш Дима поет Донов, ой!»

Громкий хохот присутствующих был ему ответом, а герой экспромта, махнув рукой, сказал: «Да ну вас, сами пойте!»

Наутро, вместе с Аташевым и Горяевым мы съездили к перекрестку проспекта Буденовского и улицы Большой Садовой. Там толпилось человек семь детишек.

«Александр, это и есть юные помощники Красной армии?» – спросил меня Василий Иванович.

– Они самые.

Дети аж заробели, когда из машины вышло так много командиров.

Слово взял Горяев: «Здравия желаю, товарищи юные помощники Красной армии. Рассказывайте, как было дело, кто кому помогал и когда?»

В общем, организовав порядок в очередности ответов, оказалось, что лишь девочка и ее младший брат проводили красноармейцев через дворы и подвалы в тыл врага, засевавшего в двух многоквартирных домах. Им и были выписаны благодарности с печатями полка. После чего всем семерым детям мы выдали по банке сгущенного молока.

Мы передали здание нашей базы в распоряжение служб тыла Южного фронта, а полк на четырех эшелонах убыл в Курск в распоряжение частей Центрального фронта. По пути на движущийся эшелон несколько раз налетала авиация противника. Установленными на двух платформах в эшелонах пулеметами ДШК боевые расчеты отгоняли самолеты врага, заходящего на бомбометание, пугая и сбивая им прицел, в результате чего бомбы скидывались мимо. Однако, несмотря на наше противодействие, несколько бойцов было убито прошивающими насквозь крыши вагонов очередями из авиапулеметов, которые немецкие асы посылали в ответ.

Прибыв в Курск, наши тыловики объехали город и ближайшие пригороды и определили несколько возможных мест дислокации полка. В итоге, полк разместился на южной окраине Курска, заняв разграбленную тракторно-машинную станцию: там были деревянные ангары под склады, кирпичные помещения самих мастерских и административное здание. Под Миллерово в обозе нами была захвачены несколько немецких машин со слесарно-столярным инструментом, в том числе циркулярные пилы, бензопилы немецкой фирмы «Stihl», сварочные аппараты с электродами и многими полезными строительными мелочами для инженерно-саперного подразделения.

Инженерно-саперный батальон и немецкий инженерно-ремонтный батальон сразу впряглись в работы по обустройству нашей новой базы. Пилили деревья, распиливали их на доски, из которых лепили разбирающиеся летние домики для работы и жилья личного состава, рыли блиндированные землянки с деревянной отделкой рабочих мест под наш радиодивизион и штаб. Пока все жили в палатках, хотя ночи были весьма прохладными, но работа кипела. Запустили радиоцентр. Я с Чайкиным, Размазновым и Орловым ездил в городок Льгов, где располагался 132-й отдельный радиодивизион специального назначения (ОРДН СН), с которым мы контактировали еще под Сталинградом, также как и мы, переведенный с Донского фронта на Центральный. Проведя рабочее совещание с командиром дивизиона майором Анатолием Бушуевым и его заместителем майором Людмилой Долженко, определились по взаимодействию и разграничению зон ответственности.

Радииодивизион ОСНАЗ организационно состоял из трёх передвижных радиоцентров и узла связи, на вооружении которого было: десяток автомобильных радиостанций типа РАФ-КВ, предназначенных для постановки радиопомех, 20 разведывательных приёмников типа «Вираз» и «Чайка», четыре радиопеленгатора моделей «55 ПК-3А» и «Штопор».

Такое же оснащение получил и наш полковой радиодивизион, только к трем самостоятельно оборудованным на базе немецких грузовиков машин РЭБ, мы использовали еще и немецкую трофейную пеленгаторную машину. Наши командиры и командование 132-го дивизиона были неплохо знакомы по Сталинграду, так что совещание прошло в дружеской обстановке и очень конструктивно. Мы условно разграничили зоны радионакрытия окрестных территорий в противоборстве с фашистской радиослужбой. В результате 132-й работал на Орловском, Курском и западном Сумско-Рыльском направлении, а мы были ориентированы на южное Белгородское, в том числе, охватывали район знаменитой в будущем Прохоровки и Харьковское.

Прибыв назад в полк, я собрал очередное плановое совещание полкового штаба с присутствием командиров всех боевых подразделений. На нем мы обсуждали возможное развитие ситуации на нашем фронте. Несколько раз проводили командно-штабные игры, в которых часть играла за немцев, а другая часть за наши войска. Причем, в качестве условий вводилось 70% подавление радиопередач противника противоборствующей стороной, то есть настолько усложнялось управление частями. Я вводил по мере развития игровой ситуации на «карте»

новые вводные с учетом знаний из будущего. Я не знал досконально все события курско-белгородско-орловской и далее харьковской операций, вытекающих одна из другой, но об основных моментах этих боев представление имел, в том числе о великом танковом сражении под Прохоровкой. Итогом анализа прогнозируемых ситуаций стало определение направлений, населенных пунктов и первоочередность задач, которые должен был выполнять полк.

В общем, задачи ясны всем командирам подразделений? Основной упор делаем на тактическую разведку и выведение из строя командного состава противника!

Всем нашим разведывательно-диверсионным подразделениям также были определены зоны ответственности на участках фронта: так по Белгородскому направлению работали Воронов, Киричев, Микулов, на Орловском – Ледков, на Сумском – Лавриков.

– Радиодивизиону также понятна его задача, по сути ничего нового – нарушение радиопередач противника и определение местоположения узлов связи, а значит, и командных пунктов врага.

– Так точно, командир, с этим понятно. А что наш дивизион подчиняется 132-му?

– Да, они главнее. Общее радионакрытие зоны действия Центрального фронта осуществляет 132-й ОРДН СН. Он считается основным дивизионом фронта, поэтому наш радиодивизион неформально подчиняется ему и выполняет все их указания.

– Особая задача ставится перед нашим учебным центром. Разведуправлением в 1943 года начато дооснащение радиодивизионов новой техникой, в частности, переносными всеволновыми приемо-слежечными и радиопеленгаторными средствами, американскими радиостанциями «уоки-токи» – «иди и разговаривай», то есть, довольно привычными нам переговорными симплексными радиостанциями, когда говорит только один, а другие слушают, и наоборот. Они могут и должны были применяться в тактической радиоразведке.

«Значит, надо обкатать новую технологию работы мобильных групп?» – спросил Коньшев.

– Верно мыслишь, Роман.

Коньшеву было поручено вместе с руководителями нашей радио- и полевой разведки – Чайкиным, Вороновым и Ледковым наладить совместную работу вновь созданных маневренных групп, работающих в поле, с базовыми станциями дивизиона и отработать порядок передачи информации по цепочке: разведчик – наша базовая станция – радиоузел при штабе армии и фронта.

Применение таких групп, оснащенных новой переносной техникой радиоразведки, как показали боевые действия в реальной истории, себя полностью оправдало. Начальники разведки армии повсеместно будут отмечать, что особую ценность представляла работа групп ближней радиоразведки в подвижных формах боя, когда добытые данные оперативно использовались командирами, организующими бой.

К выработке плана предстоявшим летним операциям и их материально-техническому обеспечению советское командование приступило сразу же после завершения зимней кампании, то есть со второй половины марта 1943 года. 17 марта я прибыл в штаб фронта на очередное заседание. В Курск на это совещание прибыли командующие смежных фронтов: командующий Брянским фронтом генерал-полковник Рейтер, командующие Воронежским фронтом генерал-полковник Голиков, который сдавал фронт из-за допущенных ошибок в управлении и генерал армии Ватутин, принимающий фронт, с начальниками штабов и другими штабными офицерами. Были и командующие десятка армий со своими начштабами, входящих в состав этих фронтов.

Я разговаривал с представителем командования 132-го радиодивизиона Бушуевым и Долженко, также вызванными на это совещание, когда узнал в одном из прибывших офицеров достаточно молодого полковника Митина, служившего ранее в Разведуправлении в Москве. Я извинился перед собеседниками и подошел к нему. Мы дружески приветствовали друг друга.

– Здорова, товарищ полковник, поздравляю со званием!

– И тебе долгих лет, товарищ гвардии полковник, как дела Александр?

– Воюем, Григорий, все как обычно, ты, смотрю, на фронт перевелся?

– Еле-еле смог добиться направления на фронт, надоело в тылу сидеть. Да и полковника здесь быстрее удалось получить, должность позволяет, я сейчас начальник разведотдела Брянского фронта!

– Да-а-а, полковник звучит лучше майора!

Мы рассмеялись. Вскоре прибыли маршалы Советского Союза Жуков и Василевский, осуществляющие, как представители Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК), координацию действий фронтов, после чего нас всех пригласили на совещание.

Генерал-полковник Рокоссовский открыл совещание, передав слово Жукову. Решаемые вопросы были в большей степени организационными, где ставились общие задачи по разработке вариантов действий советской армии на весну-лето 1943 года. Жуков четко сформулировал свою позицию, которую он в дальнейшем и отстаивал в своем докладе в Ставке ВГК: «Товарищи командармы и комфронтов! На совещании мы должны выбрать основную стратегию наших действий весной-летом 1943 года. Я считаю, что немец еще достаточно силен, обладает мощным потенциалом в бронетанковых и воздушных силах, поэтому предлагаю проработать наши операции с учетом того, что переход советских войск в наступление с целью упреждения действий противника нецелесообразен, слишком рано. Лучше будет, если мы измотаем его в нашей обороне, выьем ему танки, а затем, введя свежие резервы, перейдем в общее наступление для разгрома основной группировки противника! Прошу высказываться, товарищи командиры!»

Обсуждение было бурным, позиции командиров совершенно разными, в итоге пришли к мнению о планировании наступательной операции летом 1943 года на одном из трех фронтов, где сложится более благоприятная обстановка. Заслушали и Чайкина с Бушуевым о мерах по обеспечению радиоразведки. После пяти часов совещание было закончено, командиры расходились.

«Кольцов, задержитесь», – отдал указание Жуков.

В кабинете остались я, Жуков, Рокоссовский и Василевский. Жуков продолжил: «Ну что, Александр Павлович, догадываешься, зачем приказали остаться?»

«Догадываюсь, в таком случае, товарищи, действующие и будущий маршалы, прошу к карте. Я предполагаю следующее развитие событий по подготовке и встречному наступлению наших и германских войск. Основные удары немцы будут наносить с Орловского направления и с Белгородского направления на Курск, пытаюсь, как и в 1941-м окружить и разгромить Курский плацдарм, занимаемые Центральным фронтом. Гитлер, кажется, 3 марта подписал оперативный приказ командованию сухопутных войск, в котором изложены директивные указания о ведении военной кампании летом 1943 года на Восточном фронте. После весенней распутицы планируется начать наступление на отдельных участках фронта, упредив советские войска и навязав нам свою волю. К середине апреля командующему группе армий «Юг» Манштейну необходимо создать сильную танковую группировку севернее Харькова, а группе армий «Центр» под командованием генерал-полковника Клюге надлежит сосредоточить ударную группировку южнее Орла. Обе группировки должны будут встречным ударом со своих сторон в общем направлении на Курск окружить и уничтожить наши войска внутри Курской дуги. Количество войск на этом театре военных действий ожидается примерно следующим, и я привел по памяти данные. Однако более точные данные мы получим от агентурной разведки – должна прислать своё донесение «кембрийская пятерка», которые уже декодировали шифр «Лоренца» и читают немецкие сообщения высшего командования, также даст информацию группа «Дора» из Швейцарии. Кроме того, должна сработать фронтовая и радиоразведка наших дивизионов, которая даст уточненные данные по соединениям противника. На основа-

нии разведанных агентурной и фронтовой разведки вы, Генштаб и командующие фронтов все грамотно спланируете, организуете, и мы одержим новую победу. У меня все, товарищи».

«Складно рассказал, но будем ждать разведдонесений. Кстати, а откуда ты, обычный полковник, знаешь о такой информации и таких секретных группах, про которых генералы наши не знают?» – спросил Василевский.

«Знаю, Александр Михайлович, поверьте мне на слово, я же все-таки разведчик. А о нашей победе под Курском? Я просто знаю, что будет именно так», – ответил я ему.

– Свободны, полковник, мы примем к сведению вашу информацию.

Я покинул помещение штаба и вышел на улицу. Ко мне подошли ожидающие меня Долженко и Бушуев: «Ты большой человек, раз лично с представителями Ставки общаешься».

– Ты же тоже свои разведанные в Ставку отправляешь, значит, общаешься с ними, так что мы все большие люди.

Посмеявшись, мы еще обсудили итоги совещания и, простившись друг с другом, разъехались по своим частям.

Обычная жизнь полка налаживалась: проводилась учеба с новым пополнением и бывалыми бойцами – все должны повышать свой профессиональный уровень. В физических тренировках участвовали все бойцы и командиры полка по своему графику. Ремонтная рота и немецкий батальон наладили сбор трофеев с полей сражений. Целой техники уже не было, разобрали проходящие части, а вот разбитой стояло много. Поэтому по округе катались мотоциклы, высматривая брошенную технику, а затем за найденными экземплярами отправлялись тягачи с рембригадами. Инженерно-саперный батальон оборудовал блиндированные рабочие и жилые помещения, выкопанные в земле, обеспечив водоснабжение из пробуренных скважин и водоотведение санитарных отходов полка. Одним словом, ребята организовали полноценные санитарно-гигиенические зоны с туалетами и банями, восстановили котельную, обеспечив центральное отопление наших объектов. Снабженцы прокатились по деревням, пытаясь скупить или обменять продукты, но народ был нищим после оккупации, поэтому ничего особо приобрести не удалось.

12 апреля 1943 года в Ставке ВГК состоялось специальное совещание по представленному докладу Жукова о возможных военных действиях весной – летом 1943 года. Выступал начальник Генштаба Василевский: «Товарищи, резюмируя тезисы доклада товарища Жукова, Генштаб и комфронтов оказались перед дилеммой: наступать или обороняться и, когда от обороны перейти в наступление? Генштаб на основании имеющихся на сегодняшний день разведанных, поступивших к нам от агентов из-за границы, и от фронтовой разведки, а также с учетом боевой готовности действующих войск и количества резервов, подготовил план нашего наступления на май 1942 года. На Курском направлении мы планируем за апрель-май создать глубокоэшелонированную оборону в 8 оборонительных рубежей, то есть вначале провести оборонительное сражение, измотать войска неприятеля и затем нанести им поражение, проведя контрудары по наступающим частям. Необходимо рассмотреть данный план и утвердить его Ставкой и вами, товарищ Сталин».

Слушая доклад Василевского, а затем и начальника Главного Оперативного управления Антонова, Сталин вспоминал недавний разговор с Мессингом. Вольф сообщил о необходимости прислушаться к данным, которые сообщит «Оракул»: «Интересно, что Кольцов мог сказать?»

– Товарищ Василевский, а вы что-то можете сказать об «Оракуле»?

– Так точно, могу сказать. На совещании в штабе Рокоссовского в Курске 17 марта полковник Кольцов, он же «Оракул», нам троим: Рокоссовскому, Жукову и мне, сообщил сведения, которые являются государственной тайной, и знания о них обычного армейского полковника вызвали во мне непонимание и тревогу. Он сообщил о планах Гитлера по военной политике Германии, изложенной в приказе №5 и о том, что мы получим эти данные от кем-

брийской пятерки и группы «Дора». Кембрийцы с Кимом Филби дали свои данные через день, а «Дора» через три недели после нашей беседы. По словам «Оракула» летнее наступление под Курском начнется 5 июля, что несколько расходится с данными «пятерки». Но, все же поразительно то, что в главном сведения "Оракула" сходятся со всеми источниками. Это мистика.

– И чем закончится эта мистика?

– Нашей победой, товарищ Сталин.

– Значит, работайте дальше, товарищи, сроки немецкого и нашего контрнаступления надо будет ориентировать на указанные «Оракулом», он не ошибался еще ни разу.

Глава 2. Важные планы и большие дела

Заканчивалась весна, на фронте происходили незначительные локальные сражения, сходились роты, батальоны, было видно, что копят силы для решающей «битвы титанов» этой войны.

Полк был, в первую очередь, диверсионный, поэтому полковые разведчики уходили в глубокий тыл врага проводить, как разведывательные путем допроса «языков» и наблюдений, так и диверсионные операции. План проведения и места забросок я предоставлял в разведотдел фронта, чтобы не было накладок с другими разведгруппами.

Как-то в полк прибыл начальник разведки дивизии Осназа НКВД майор госбезопасности Ламанов Сергей Юрьевич с несколькими подчиненными. Они, по распоряжению начальника разведотдела фронтом, взяли у нас информацию о планируемых диверсиях солдатами нашего полка. Во время встречи обсудили общее положение дел на фронте. О своих операциях они не распространялись – секретная информация. Главное, чтобы они и мы друг друга не перестреляли в этих операциях, приняв за врагов.

Рэбовцы и радисты также планомерно обрабатывали свои мероприятия.

«Товарищ капитан, посмотрите, – обратилась Симутенина к Размазнову, принеся ему принятые данные, – здесь на связь вышел немецкий радист, позывной которого мы засекали в дивизии СС «Райх» еще под Москвой, это означает, что к нам эта дивизия переброшена».

– Молодец. Рита, четко опознала, сейчас я к Чайкину, потом к шифровальщикам, пусть отсылают шифрограмму с этими сведениями в 132-й и в штаб фронта.

Чайкин доложил Недогарову, тот вызвал Ледкова и довел до него эту информацию: «Сереж, пусть твои разведчики найдут, где она дислоцируется».

В это время я зашел к Вадиму обсудить текущие вопросы.

– Ты представляешь, Сань, танковая дивизия «Райх» объявилась в наших краях, Симутенина выловила их радиста, только где она базируется надо выяснять?

– Вадим, спросил бы меня сразу об этом. «Райх», «Викинг» и «Мертвая голова», которой тут ее голову открутят наголову, базируются у Манштейна за Белгородом. А вот состав их надо уточнять – полные дивизии прибыли или части, этого я не знаю.

Недогаров позвонил по телефону Ледкову: «Сереж, шеф сказал, чтобы ты засылал своих под Белгород, а, вообще, зайди снова, он сам тебе «ЦУ» даст».

Радиоразведчики научились по изменениям в радиосвязи противника делать оперативные выводы, подчас весьма серьезные. Обнаружение этой дивизии под Харьковом стало неожиданностью для нашего командования, так как она числилась в резерве и базировалась под Ржевом. Но Риту я поощрил благодарностью с занесением в личное дело приказом за умелый анализ выявленного события.

В конце мая Василевский докладывал Сталину: «Товарищ Сталин, в намеченный Ставкой план летнего наступления, предусматривавший нанесение главного удара на Юго-Западном направлении, Генштабом были внесены существенные поправки. Данные изменения связаны с несовпадением сроков гитлеровского наступления, которые нам раньше предоставляли разведгруппы, а главное, в связи с вскрытием советской военной разведкой подготовки гитлеровской армии к крупному наступлению на Курской дуге. Также радиодивизиону Воронежского фронта под командованием майора Костина (в будущем генерал-майора) удалось в условиях строжайшего радиомолчания, введенного немцами в сухопутных войсках, установить создание на Орловском выступе ударной группировки за счет переброски туда целой полевой армии. Такой вывод, товарищ Сталин, радиоразведка сделала в результате наблюдения за деятельностью немецкой разведывательной авиации в УКВ-диапазоне».

– Поясните, товарищ Василевский.

– У немцев каждую полевую армию обеспечивает одна разведывательная авиационная группа, самолеты которой регулярно облетают весь передний край армии, докладывая с борта обо всех изменениях, которые они обнаруживали в расположении или деятельности наших войск. На Орловском выступе оборону держит 2-я полевая армия немцев, однако в апреле на этом направлении появилась новая разведывательная авиационная группа, самолеты которой ведут разведку в узкой полосе южнее Орла. Был выявлен еще ряд признаков по работе дополнительных радиостанций, позволивших утверждать, что южнее Орла сосредоточена новая полевая армия, нацеленная для удара на Курск с севера. Было установлено количество корпусов и дивизий первого эшелона этой армии, определены разграничительные линии между ними. Данные радиоразведки подтверждаются воздушной и войсковой разведками.

– Хорошо, товарищ Василевский, мы обсудим новый план и дадим свое заключение. Запросите дополнительно «Оракула» о дате начала немецкого наступления.

– Запросим, товарищ Сталин.

Несколько раз с мая по июль в добытые разведчиками сроки немцы удара не наносили.

«Мой фюрер, наша разведка сообщает, что русские снова привели войска в повышенную боевую готовность, в точности перед доведенной в войска датой начала наступления. Рекомендую провести еще пару раз аналогичную дезинформацию, приучая русских к тому, что мы не готовы к наступлению, готовя настоящий удар в начале июля», – докладывал в мае генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге в Ставку Гитлера.

Вообще, с Рокоссовским у меня, после предсказания его встречи с Талановой, сложились, если не приятельские, то дружеские отношения, да и чувствовал он во мне человека не 28 лет, а своего ровесника. В этот день Рокоссовский разговаривал со мной у себя в кабинете: «Александр, немцы в очередной раз перенесли дату своего наступления. Перебежчики, твои разведчики, армейская разведка сообщают о сроках, которые не сбываются. Ватутин у нас, а Хрущев, как член Военного совета в Москве докладывают товарищу Сталину о необходимости начала нашего наступления, что скажешь?»

– Константин, Константинович, Хрущев это стратег, которого на пушечный выстрел нельзя подпускать к руководству армией. К докладам своих разведчиков я всегда прилагаю свой комментарий, настаивая на дате начала наступления – раннее утро 5 июля. Да вы сами вспомните начало войны, немцы используют ту же уловку, что была в мае-июне 1941 года, усыпляя наше внимание. Я вполне допускаю, что они умышленно вбрасывают дезинформацию в свои войска и проверяют нашу готовность, наблюдая, отреагировали мы или нет на их информацию. Они же знают, что разведчики обязательно возьмут «языков» и нам все станет известно. Стойте с Жуковым и Василевским на своем – надо сидеть в обороне до немецкого наступления. Немцы жажнут так, что мало не покажется – силы у них еще много. А вот после Курской битвы уже мы будем доминировать на полях сражений, захватив стратегическую инициативу, как это было у немцев в 1941-м».

– Возможно, очень возможно и очень похоже на действия в 41-м.

– Вот и доложите товарищу Сталину.

– Так, Александр, давай еще раз пройдем по карте, покажешь свое видение Курского сражения.

– Вот смотрите, Константин Константинович, удары будут на Курск с Белгородского и Орловского направления. С Белгородского танковый удар будет нанесен через Прохоровку, где произойдет грандиозное встречное танковое сражение, с целью охвата Курска в кольцо. Далее в их планах будет попытка атаковать Курск и Новый Оскол.

– Хорошо, Генштаб снова внес корректировки в план операции с учетом новых разведанных и все больше вырисовывается рисунок операции, который даешь ты.

Про себя я усмехнулся: «Ну, так вы ж его разработали и утвердили в июне 1943 года, еще бы мои прогнозы были бы неверны». Своим бойцам я запретил охотиться на Моделя, Клюге, Манштейна и других высших офицеров армий, а то мало ли, что могло измениться, появившись тут другой командующий немецкой группировкой.

Ежедневно полковые разведгруппы, заброшенные во второй эшелон немецкой группировки, выходили на связь, сообщая о новых подошедших частях вермахта. В первом эшелоне работала армейская разведка. Рокоссовский сообщил мне, что в Ставку пришло сообщения от нашего знаменитого разведчика Николая Кузнецова, назвавшего дату наступления немецких войск под Курском.

Наступал час «Х». Станции радиопомех дивизионов вели круглосуточное наблюдение за наиболее значимыми радиосетями противника. При этом выявлялись основные и запасные частоты вражеских радиостанций, их расположение и войсковая принадлежность, графики и режимы работы. Мы, как и 132-й радиодивизион забивали эфир «левыми» шифrogramмами, как свежими, так и записанными и смонтированными еще под Сталинградом, используя для наибольшей правдоподобности дезинформирующих радиопередач трофейные немецкие радиостанции. Все это отвлекало немецких радистов на дешифровку этих сообщений, а потом еще и на разбор ситуации, мол «что это за ерунда такая передана». Также шло глушение передатчиков генераторами белого шума. В общем, радисты бывало, что прерывали до сотни передач противника, а бывало, в период затишья, что и десяток за смену на весь центр не набиралось. Все зависело от интенсивности радиопереговоров. Правда, следует отметить, что немцы тоже не спали и отвечали нам такой же монетой.

Но ближе к июлю все ускорилося и увеличилось, радисты работали на износ, как наши, так и немецкие – противодействие шло очень серьезное. Нужно отметить, что радиодивизионы очень активно проявили себя в битве под Курском. Наши радисты постоянно взаимодействовали с соседями, передавая выясненные данные по вражеским частям и радиостанциям, чтобы они учитывали это в своей работе. Точно также до нас доводились выявленные их радицентрами сведения по вражеским радиоузлам.

Накануне Курской битвы, буквально, за сутки до начала повысилась активность немецкой радиосвязи. Перехватив очередную радиogramму, Бушин подошел к Размазнову: «Андрей, перехвачена радиogramма, так вот, по набранному нами архиву мы с девочками и Кимом опознали, что это почерк радиста Ставки главнокомандующего противника, а по характеру передачи сделали вывод, что она содержит очень важный приказ. Ее обязательно надо отдавать в отдел Китова на дешифровку».

– Хорошо, Олег, сейчас вызову Александра, будем разбираться.

Вызвав Китова к себе, Андрей и Олег объяснили ему ситуацию и чем вызван такой ажиотаж вокруг этой шифровки.

– Все понял, займемся. Если учесть то, что сегодня 4 июля, а в эту ночь начнется наступление, но первую зацепку лично я вижу в том, что в конце шифра приказа будет стоять подпись кого?

– Точно мыслишь, Саня, будет подпись «Адольф Гитлер»!

– Вот, мужики, и сами можете все дешифровывать, когда припрет, а то все зовете «Саня, помогай»!

Дешифровальщики Китова зная о том, что речь может идти о крупном наступлении и с учетом первых предположений, что в конце документа находится подпись Адольфа Гитлера, взялись за дело. Взяв эти «буквы» в качестве основы, и применив криптографические приемы дешифрования, они практически полностью вскрыли шифrogramму, определив в ней приказ Гитлера о наступлении, а заодно, и частично взломали очередную версию шрифтов германской криптозащиты, обеспечивающуюся машинкой «Лоренц». Эта информация была подтверждена и из других источников, в том числе получена у «языков», взятых фронтовой

разведкой, немецких перебежчиков-коммунистов и шифрограммой Николая Кузнецова. За эту работу по вскрытию немецкого шифра, давшего возможность частично читать, а в дальнейшем «вскрыть» его в полном объеме на других шифрограммах, весь отдел был представлен к орденам, а Китов к ордену «Александра Невского».

В Ставке состоялось последнее совещание перед началом немецкого наступления с командующими трех фронтов. На него в Москву Рокоссовский взял и меня.

Докладывал Антонов: «Товарищ Сталин, товарищи командиры, тщательный анализ обстановки и предвидение развития событий позволили сделать правильный вывод: главные усилия надо сосредоточить к северу и югу от Курска, обескровить здесь противника в оборонительном сражении, а затем, перейти в контрнаступление и осуществить его разгром. Генштабом и штабами фронтов разработан план на летне-осеннюю кампанию Красной армии. В нем Курская битва является центральной частью общего стратегического плана кампании. Разбив здесь немцев, далее мы нанесем главный удар в направлении на Харьков, Полтаву и Киев.

Командующими фронтов развернута всесторонняя и тщательная подготовка к предстоящим действиям, с ежедневными докладами, поступающими от разведорганов, о силах и намерениях противника. В результате чего Генштабу стали достаточно точно известны сроки начала вражеского наступления, которое трижды переносилось Гитлером. В качестве одной из рабочих гипотез принято, что перенос сроков является тактической уловкой немецкого командования, проводимой аналогично действиям перед началом войны в 1941 году. Хотя мы не снимаем и гипотезу о неготовности немцев к более раннему наступлению.

В результате, товарищ Сталин, разработанный ГКО, Ставкой, Генеральным штабом и фронтами стратегический План включает в себя следующие направления:

- создание многополосной обороны на курском направлении общей глубиной в 250–300 км; выдвижение в район восточнее Курска мощного стратегического резерва Ставки – Степного фронта;

- осуществление крупнейшего за все время войны сосредоточения у Курска материальных средств и войск;

- организацию специальных воздушных операций по нарушению вражеских коммуникаций и завоеванию господства в воздухе;

- активизация действий партизан с целью осуществления массовых диверсий в тылу врага, прерывающих подвоз резервов к фронту, и получения важнейших разведывательных данных. У меня всё!»

- Спасибо товарищ Антонов, что еще Генштаб может добавить?

Встал Василевский: «Товарищ Сталин, необходимо указать, что Генштабом также предусмотрен План № 2 на случай, если в ближайшее время гитлеровское командование не предпримет наступления под Курском, когда мы сами начнем наступление».

Все совещание я просидел в приемной вместе с несколькими генералами. В голове были разные мысли: думал о полке – сроднился я с ним, вспоминал, как все начиналось, когда отступали и ходили в разведку, как среди обычных, текущих выходов за линию фронта были очень удачные рейды, принесшие гордость за себя – могу ведь, когда надо, и товарищей, за достигнутый нами результат, отмеченный орденами. Это сейчас немецких генералов уже берут в плен пачками, а в далеком 41 году взятие в плен генерала вермахта или уничтожение штаба полка, дивизии было действительно редким событием. Вот и сейчас я сижу в Кремле, а там за дверьми делается история, и я тоже, в какой-то мере, участвую в этом деле, прикасаясь к великой истории СССР.

- «Товарищ гвардии полковник, очнитесь!» – меня теребил адъютант.

- Простите, товарищ майор, задумался, что такое?

- Вас вызывают.

Я поднялся и направился в зал Ставки Верховного Главнокомандующего, все-таки и до меня дошла очередь.

Зайдя вместе адъютантом в зал, я четко представился и замер по стойке «смирно».

– Проходите, товарищ Кольцов, не смущайтесь. Мне бы хотелось бы услышать ваше мнение о предстоящей битве.

– Товарищ Сталин, в марте этого года я докладывал товарищам Жукову, Василевскому и Рокоссовскому о том, что ГКО, Генштаб, штабы и командующие фронтов разработаете и, главное, сумете воплотить в жизнь стратегический план нашей победы. Курская битва начнется рано утром 5 июля, а Рокоссовский с Ватутиным уже проведут предусмотренную планом артиллерийско-авиационную контрподготовку именно в ночь на 5 июля по изготовившимся к атаке частям вермахта, что хорошо дезорганизует наступающие порядки немцев.

– Вы что, товарищи, решили провести артподготовку именно ночью 5-го июля?

"Да, товарищ Сталин, есть такая задумка", – ответил Рокоссовский и вместе с Ватутиным разом посмотрели на меня.

– Действуйте, товарищи, все свободны!

Сталин остался в зале с Жуковым, Василевским и Берией.

«Поразительно, товарищ Сталин, мы не знаем, а он знает, что задумали Рокоссовский и Ватутин, это непонятно, а все непонятное является опасным. Такое предвидение просто феноменально», – задумчиво проговорил Берия.

«Товарищ Берия, этот парень воюет достаточно грамотно и удачно, создал очень неплохое боевое подразделение, уже принесшее много пользы. К тому же, он никогда не выпячивает свое предвидение, всегда ссылается на то, что все операции будут разработаны именно нами: ГКО, Генштабом и органами управления фронтов. Хотя не скрою, он также привлекался в качестве консультанта и источника развединформации к прогнозированию ситуации на Курском направлении. Его привлечение обусловлено тем, что его прогнозы сбылись и в Московской, и в Сталинградской операциях. Насколько я знаю, он окончил с отличием Академию Генштаба в прошлом году. И еще, но это мое личное наблюдение. У меня сложилось мнение, когда мы встречались с ним в марте, что я общаюсь не с 30-летним офицером, а со своим ровесником. Учитывая все это, товарищ Сталин, считаю, что он на своем месте, вот и пусть воюет дальше», – взял слово Жуков.

Весной перед германским командованием также встала задача выработать дальнейшую стратегию ведения войны и конкретный план военных действий на лето 1943 года. Среди генералитета вермахта не было единства мнений, возникли серьезные разногласия, с февраля по июнь шла разработка и оперативные переработки плана кампании.

«Мой фюрер, я ожидаю удара РККА в направлении Днепра с целью отсечения и уничтожения всей группы армий «Юг», поэтому считаю необходимым переход нашей армии к стратегической обороне с нанесением серий фланговых контрударов!» – докладывал на заседании Генштаба Манштейн.

«Нет, и еще раз нет! Это приведет к сдаче Донбасса с его углем, и осложнит политическую обстановку с союзниками. Эти предатели итак ждут случая отколоться», – возражал Гитлер.

– Тогда, мой фюрер, предлагаю «срезать» Курский выступ быстрым наступлением сразу после окончания весенней распутицы! Обязательным условием успешности операции, считаю, что её начало должно быть до того, как РККА сможет подготовить эшелонированные оборонительные позиции или начать собственное наступление, то есть в апреле или самом начале мая.

– Хорошо, Манштейн, это уже лучшее предложение. Поручаю Генштабу разработать операцию под кодовым названием «Цитадель»!

Согласно плану операции, Группа армий «Центр» должна была нанести удар с севера силами 9-й армии под командованием Моделя, а группа армий «Юг» силами 4-й танковой армии под командованием Г. Гота и армейской группой под командованием В. Кемпфа с

юга. Кольцо окружения планировалось сомкнуть на возвышенностях восточнее Курска. Части РККА, занимавшие фронт в западной части выступа, должна была сдерживать 2-я армия под командованием Вайса.

На встрече с Гитлером 27 апреля Модель выразил обеспокоенность: «Мой фюрер, по донесениям разведки русские сооружают очень сильные оборонительные позиции на северном и южном фасах Курского выступа, поэтому дальнейшее затягивание подготовки может лишить наступление всякого смысла! Рекомендую, либо коренным образом пересмотреть план операции, либо вообще отменить её и постараться нанести поражение РККА в ходе её ожидаемого наступления!»

10 мая на совещании в Берлине к мнению Моделя присоединился и Манштейн, снова предлагая перейти к стратегической обороне: «Мой фюрер, атака русских в нынешнем положении грозит нам поражением. В связи с этим, предлагаю поэтапное отступление к Днепру с последующим ударом левого крыла во фланг наступающему противнику и выходом к Азовскому морю, что позволит окружить наступающие части Советов!»

«Манштейн, черт бы вас побрал, вы запросто сдаете с таким усилием захваченные нами позиции. Только наступление! Мы создадим мощнейший кулак и разобьем русских!» – срываясь на крик, отвечал Гитлер.

Гудериан обратился к Гитлеру: «Почему вы хотите начать наступление на востоке именно в этом году?»

В разговор вмешался Кейтель: «Мы должны начать наступление из политических соображений».

«Вильгельм, что заставляет нас наступать в этом году на Курск или где-либо на Востоке? Вы думаете, что кто-то знает, где вообще этот Курск? Никому в мире нет дела до того, захватим мы этот город или нет?» – возразил ему Гудериан.

Гитлер сравнил складывавшуюся на Восточном фронте ситуацию с тяжёлым положением партии в 1932 году: «Тогда мы победили только благодаря упрямству, выглядевшему порой безумным. Также мы победим и сегодня! Я уже принял решение – начало операции назначаю на 5 июля!»

3 июля на Воронежском и Центральном фронтах прошло, как и все последние дни, спокойно. А с 16 часов 4-го июля противник предпринял на широком участке Воронежского фронта боевую разведку. Все попытки врага вклиниться в наш передний край были отбиты. Захваченный в бою пленный немец показал, что 5 июля войска должны перейти в наступление, то же самое подтверждали немецкие перебежчики, перешедшие к нам 4 июля на Центральном фронте. В ночь на 5 июля на фронтах под командованием Рокоссовского и Ватутина была проведена артиллерийско-авиационная контрподготовка, которая, как выяснилось позднее, дала исключительный эффект, смешав планы противника. Рокоссовский докладывал в Ставку: «Противник, находившийся в исходном для наступления положении, понес большие потери в живой силе и технике. Дезорганизована подготовленная им система артиллерийского огня, нарушено управление войсками. Понесла потери и вражеская авиация на аэродромах и связь с нею у общевойскового командования также нарушилась. Многими фашистскими командирами сильная контрподготовка была принята за начало нашего наступления. Гитлеровцы с трудом смогли начать наступление вместо 3 часов утра 5-го июля тремя часами позже».

Так развернулось великое сражение на Курской дуге. В этот день, одновременно с севера и юга, перешли в наступление на Курск северная и южная вражеские группировки. Советские войска вступили в тяжелую борьбу с врагом.

Глава 3. Тяжелые будни на Курской дуге

Рота Лосева и взвод снайперов Семакова под общим командованием Ледкова двигались к городу Орел. Основной задачей было уничтожение командного состава, военных складов наступающих частей вермахта. Шли лесами, находя «дырки» в наших и немецких позициях. Впереди сквозь деревья была видна небольшая деревенька.

– Что будем делать, Сереж, обходить или выбьем оттуда немцев?

– Давай, выбьем их, Коля, их тут не больше взвода, зачем нам за спиной фрицы.

Бойцы роты окружили деревню и, совершая короткие перебежки через огороды, окружающие деревню, приблизились вплотную к домам.

Человек 20 немцев находилось возле главной избы, кто-то ковырялся в грузовике, кто-то сидел на мотоциклах, кто-то просто стоял, ожидая выхода начальства. Защелкали выстрелы, а немецкие фигурки стали падать, как подкошенные, на землю. Кто-то бросился в рассыпную, перепрыгивая через заборы, но попали под огонь с разных сторон деревни, те же, кто был поумнее, просто залегли. Одновременно в домах жителей началась зачистка немцев.

«Не стреляйте, мы сдаемся!» – вышел из избы с поднятыми руками гауптман, за ним вышло еще двое унтеров и фельдфебель. Лежавшие немцы так же поднимали руки и вставали, собираясь у избы. Минут через 20 наши бойцы пригнали еще пятерых немцев, сдавшихся в домах. Всего у избы набралось пятнадцать человек пленных.

Пространство вокруг стало заполняться местными жителями.

– Что с ними делать, командир?

– Тащить их с собой или в тыл нет времени, значит к стенке и в расход.

Вышла женщина с парнем лет 15 и обратилась к Ледкову: «Товарищ командир, этот офицер жил у меня в доме, он несколько раз спасал моего сына от немцев. Один раз, когда приезжала команда немцев и забрала его в группу молодых людей, отправляемых в Германию на работы, он вытолкнул его оттуда и второй раз, когда мой сын украл у него пистолет. Тогда он по-человечески обратился ко мне, чтобы я поговорила с сыном, и тот вернул пистолет. Иначе, ему придется доложить куда следует и, тогда сына расстреляют. Да и вообще, он не допускал грабежа и насилия своими солдатами в нашей деревне. Оставьте ему жизнь.

«Вот тебе и раз, – переглянулся с Кириловым Ледков, – а что скажут жители деревни, был ли порядок в деревне?»

– Что сказать, товарищи красноармейцы, всякое было в нашем Пеньшино, но в общем, порядок был, не то, что в Русском броде, там настоящая оккупация.

Ледков по-немецки обратился к немцу: «Как зовут?»

– Гауптман Вильгельм Шульц, 216-я пехотная дивизия 23-го армейского корпуса под командованием генерала пехоты Йоханесса Фриснера.

– Сдаете все оружие и, либо оставайтесь в деревне, дожидаясь советских частей, чтобы сдать, либо уходите к своим в Русский Брод или куда хотите. Скажите спасибо этой женщине и своей чести офицера и человека. Весь транспорт оставите жителям деревни.

Рота бойцов в камуфляже уходила в леса, а немцы стояли, смотрели им вслед, решая, что делать дальше.

«Есть на свете Бог, герр гауптман, что послал нам нормальных русских», – вздохнул фельдфебель.

Офицер повернулся к женщине, сказал ей по-русски «спасибо» и колонна фрицев двинулась в сторону Русского брода.

Диверсионная группа подходила к городу Малоархангельск. Взятый в плен патрульный мотоциклист-фельдфебель показал, что в городе в настоящее время находится временный

командный пункт 23-го армейского корпуса. Три разведчика, включая Ледкова, переоделись в немецкую форму, снятую с троих убитых патрульных. Основная группа направилась через лес, а мнимые патрульные покатали к городу на мотоцикле, предварительно обговорив место встречи.

Положение на фронте было следующим: немцы прорвали 2 рубежа и штурмовали третью оборонительную линию, Малоархангельск же находился километрах в семи от передовой. В городе была суэта, двигались пехотные соединения, бензовозы, мотопехота на БТРах и танкетках. В этом хаосе было проще затеряться, подстроившись под окружающую среду. Разведчики, поколесив по городу, высмотрели пару зданий, где находились штабы каких-то соединений. Ледков, побегав под видом курьера, выяснил у часовых, в каких зданиях, что располагается. Встав с другой стороны площади, стали наблюдать за зданием штаба корпуса. К ним подошел немецкий офицер и заговорил на немецком языке: «Герр Ледков, герр Лосев интересуется о дальнейших планах».

– Ваня, ёперный ты театр, тебя в форме не узнать, кстати, ты усы приклеил немного наискось, давай исправлю. Передай Лосеву, пусть работает по нашему плану. Сейчас я пытаюсь выследить, где обитает местное начальство, а дальше не знаю, как будут развиваться события, но встреча здесь же.

Переводчик Иван Орехов ушел. Часам к пяти вечера к входу в здание подъехал легковой «Мерседес», а минут через десять появился какой-то генерал. Водитель распахнул двери машины и после посадки начальства, захлопнув ее, сел за руль и тронулся. Мотоцикл с разведчиками пристроился сзади. Машина, свернув от штаба с основной дороги, по которой катила военная техника, на небольшую тихую перпендикулярную улочку, направилась в сторону симпатичного двухэтажного особняка, стоящего метрах в двухстах впереди. Возле усадьбы были видны стоящие часовые. Свистунов, сидящий за рулем мотоцикла, ускорился и, обогнав машину, тормознул перед ней.

Раздался рев выскочившего водителя: «Фельдфебель, вы с ума сошли, кого вы остановили, машину самого заместителя командующего 23-м корпусом, герра генерал-лейтенанта Ханса фон Функа. Потрудитесь объяснить причину и, если она не будет уважительная, то я вам не завидую!»

Получивший ножом в печень водитель авто упал на землю, а Ледков подошел к машине, открыв дверь и увидев генерала

– Потрудитесь объяснить, фельдфебель, что все это значит?

– Герр фон Функ, я так полагаю? Вам повезло и вы остались живы. Сегодня вас должны были расстрелять из снайперской винтовки советские диверсанты, я же предлагаю вам почетный плен у генерал-полковника Рокоссовского. Увы, в сложившейся ситуации винтовки у меня нет, поэтому в случае вашего отказа я зарежу вас, как свинью, ножом».

– Фельдфебель или, как ваше настоящее звание, через несколько дней мы будем в Курске и, как бы Рокоссовскому самому не оказаться в плену.

– Меня зовут Сергей Ледков, я майор диверсионного полка «Псы войны», а как говорит наш командир, гвардии полковник Кольцов, вам до победы под Курском, как до Луны раком. Поэтому пока не набежала ваша охрана, предлагаю не делать резких движений и проехать на вашей машине с нами. Итак, ваше решение?

– Вы меня убедили, лучше плен, чем такая смерть.

Ледков сел за руль, Николай Кириллов сел рядом с генералом, достав нож и пистолет, мертвого водителя усадили в люльку мотоцикла, который повел снайпер Леша Свистунов. Машина сдала задом и, выехав на главную дорогу, проходящую через город, двинулась к линии фронта. Мотоцикл с убитым немцем бросили в разрушенном дворе. Свистунов пошел на встречу с Лосевым, а машина двинулась на дорогу, где они уничтожили мотопатруль, чтобы такими же неприметными проселочными путями вернуться в Пеньшино и дальше к своим.

Сводная группа разведчиков Лосева оставалась и должна была работать по определенной программе, а именно, убивать и взрывать личный состав и материальные ценности врага. «Мерседес» уходил все дальше и дальше по лесным дорогам от города.

– Главное, Николай, в нашем деле не нарваться на врага.

– Да уж, и на красноармейцев, нежелательно нарваться, мы-то в немецкой форме.

– Это точно, Колян! Товарищ генерал-лейтенант, а вы знаете, у нас создан в нашей части батальон «Новая Германия», состоящий из немцев, перешедших на нашу сторону аж в 1941 году. И неплохо ребята служат, имея и звания офицерские, и медалями с орденами награждаются. Так что разные есть немцы – одни фашистские фанатики, другие обычные люди, в силу обстоятельств, взявшие оружие. Кстати, по дороге сюда, мы отпустили плененных нами немцев, потому, что за их офицера заступились мирные жители – человеком он оказался. А сколько я повидал сел, где после вас не оставалось ни одного жителя. Вот вы лично, как к фашизму относитесь?

– Какая разница, как я отношусь к фашизму. В среде офицеров вермахта фашистов не любят, но мы военные люди и воюем за Великую Германию, пусть и фашистскую.

– Ну, Паулюс скоро с нами сотрудничать станет, так что и вам лучше идти на сотрудничество с нашим государством.

– Серега, что там впереди?

– Дерево старое принесли и завалили на дороге, партизаны, чтоб их так раз так, как не вовремя они попались.

Машина остановилась и Ледков, осмотревшись по сторонам, закричал из машины: «Эй, партизаны, выходи!»

– Ха, вот уж насмешили, знаменитых разведчиков возьмут в плен партизаны, кому рассказать.

– Зря смеешься, герр генерал, еще не взяли. А вообще, это, похоже, вооруженные оставленным немецким оружием, пеньшенцы. Во-о-н я вижу пацана, который пистолет у офицера. Эх, ни одно доброе дело не остается безнаказанным, оставили им оружие, так они на нас его и навели.

Ледков открыл дверь и встал во весь рост: «А ну, товарищи партизаны деревни Пеньшино, выходи строиться!»

Из-за деревьев стали выходить ребята и девчата, человек десять лет по 15-13, вооруженные карабинами и одним автоматом.

«Кто старший, товарищи партизаны? – продолжил Ледков. – Командиру выйти и доложить оперативную обстановку».

– Ой, это же командир отряда, который нашу деревню освобождал.

«Похож, но тот в нашей, а этот в немецкой форме», – переговаривалась детвора.

– Иван Шалимов, командир Пеньшинского партизанского отряда.

– Молодец, товарищ командир, сумел организовать отряд, кстати, пользоваться автоматом и винтовками все умеют?

– «Я не умею и мы», – отвечали три девочки, держащие в руках карабины. Свистунов переводил немцу разговор, отчего тот тихо смеялся. Потом серьезно сказал: «Надо же, какие у вас дети, стрелять не умеют, но в бой на смерть идут».

Ледков взял у них карабин и показал, как изготавливать его к бою, как снять с предохранителя, отстегнуть магазин, забив его патронами. Пока все тренировались, Ледков спросил у Ивана: «Ваня, а немцы где сейчас?»

– Снова в деревне стоят, но уже другие, а мы убежали с вражеским оружием в лес. В селе-то одни женщины, да деды остались, мужиков давно нет уже. Вот, мы и ушли в лес.

– А спать и питаться, как собираетесь?

– Ночами домой приходите будем, еще рыбу ловим, а спать в лесу будем, уже тепло.

– Предлагаю тебе, как командиру отряда, чтобы сохранить жизнь твоих товарищам, временно затаиться, спрятать оружие и вести себя, как обычные дети, но обойти в округе все близлежащие села и подсчитать примерное количество фрицев и техники. Понимаешь, Вань, я бы перестрелял бы в 2 минуты всех вас, так и фрицы просто перебьют вас.

– Я понимаю, что мы ничего не умеем, а разрешите с вами, я тут дороги знаю все и, где посты немецкие были смогу предупредить.

«Хорошо! – продолжил Ледков. – Товарищи бойцы Пеньшенского партизанского отряда, я как старший по званию, приказываю вам уйти в подполье, то есть, спрятать оружие и заниматься наблюдением за врагом. Скоро Красная армия придет сюда и ваши сведения ей пригодятся. Иван, как командир отряда отправляется с нами показать дорогу, а сейчас все по домам или на вашу базу, где вы обустроили себе шалаши».

– Ваня, как себя фрицы ведут?

– Да, вроде не бунтят.

«А можно и мне с вами», – спросил еще один паренек лет 14.

– А кто командовать будет отрядом? Должен быть кто-то старший.

Иван действительно помог объехать пост, который группа, когда шла пешком, просто прошла мимо через леса и не знала о нем. В будущем Иван был зачислен в роту Лаврикова.

Заночевали в лесу, а к обеду попали в расположение Красной армии. Ледков связался с полком и доложил о пленном. Я срочно доложил о пленном генерале в штаб фронта, куда его и повез Ледков.

Рота Лосева со снайперами занялась диверсиями на дорогах, а в ночное время в городе, уничтожая солдат противника и уходя в леса, когда немцы активизировали поиски. Чтобы сбить с толку немцев, напали в разных местах: по дороге за городом, перед ним и в самом городе. Как рассказывал по возвращению Лосев со слов пленного фашиста, немцы забегали лишь на следующий день, когда не смогли найти заместителя командующего корпусом ни дома, ни в штабе. Часовые видели, как машина генерала вместе с мотоциклом уехала в сторону штаба, но не придали этому значения, мало ли какие дела у генерала возникли.

Рота Алексеева находилось в лесах возле села Стрелецкое под Белгородом рядом с железнодорожной станцией. На станции стоял воинский эшелон с тюками прессованного сена, оставившийся здесь для заправки паровозов водой, а в вагонах были видны солдаты в форме СС.

«Андрей, а ну посмотри-ка на солдат этого эшелона. Тебе не кажется, что у них форма танковой дивизии СС «Мертвая голова», только кого они сеном кормить будут – танки свои, что ли?» – спросил у Алексеева командир взвода Геннадий Языков.

– Гена, давай зажигательными пулями пройдишь по сему. Рота, готовься к бою!

Геннадий прицелился и несколько раз выстрелил из «СВТ» в стог сена. От выстрелов забегали немцы. Стог сена начал потихоньку разгораться. Подбежавший немец раскидал горящие тюки сена и, скинув брезент, обнажил стоящий на платформе «Тигр» с эмблемой «Мертвая голова».

– Однако!

Разведчики начали операцию по захвату станции, причем сразу был захвачен домик дежурного с телефоном. Наш путеец и не собирался никуда звонить, встретив бойцов словами: «Здравствуйте, братцы!»

Бойцов роты было намного больше, чем сопровождающих эшелон эсесовцев и в ходе боя сопротивляющиеся немцы были расстреляны. Перед командирами встала дилемма, что делать с танками. Паровоз сразу вывели из строя, попутно расстреляв немецкую бригаду машинистов.

«Сгружать будем, командир, – сказал командир взвода Витя Евсеев, – мы сейчас организуем оборону поезда, нарубим стволов, свяжем помост и по нему скатим танк».

Встал вопрос с пилами и топорами, ведь без них особо деревья не нарубишь.

Помог стационарный смотритель: «Товарищи, вот там лежат шпалы, которые завезли еще до войны, ремонт собирались делать, да так и бросили».

– Спасибо, дед, не забудем!

Закипела работа. Завели для начала танк, стоящий на платформе, но тот оказался полностью заправлен бензином и с полным боекомплектом. Шпалы подтаскивали к платформам, выкладывали опоры и сверху настилали направляющие. Все двадцать пятидесятитонных танков были таким образом сгружены и выстроены в походную колонну.

«Виктор, забирай своих шоферов и бойцов Геннадия в экипажи, разбирайте танки и двигайтесь на Завидовку – это километров семьдесят пройти придется. Возьмешь раненых, а убитых похороним здесь, – отдал распоряжение Алексеев, – остальные продолжаем свободный поиск целей».

Дед дал лопату, и парни быстро выкопали братскую могилку для пяти погибших бойцов.

– Эх, глупо подставились ребята, но жизнь свою не зря отдали – эти танки сколько жизней советских солдат могли бы унести на поле боя. Вечная вам память, товарищи!

Особо не размышляя над таким поворотом событий, Виктор, как старший по званию, отдал приказ на выдвижение после того, как взвод разбился на экипажи и уселся в танки. Туда же уместили троих раненых, и танки ушли в направлении на север.

Добравшись в окрестности Белгорода, оставшаяся пешая группа приступила к работе по отработанной схеме комариных укусов – атаковали объект ночью, отступили и затаились. Такое происходило одновременно в нескольких местах города. Их пытались поймать подразделения местной фельджандармерии и зондеркоманды. Бывали схватки, где наши группы загонялись в угол – в этих боях гибли немцы, гибли и наши бойцы. Живыми или ранеными не сдавался никто.

Ребята сидели в засаде, наблюдая в бинокли за погрузочными работами немцев на железнодорожной станции Белгород. Как только в небе появлялись советские самолеты-разведчики, начиналась суэта, немцы грузились в эшелон, на платформы загружали танки и пушки и эшелон отбывал на север в сторону Курска, за ним подгонялся и загружался следующий. Никто наш самолет-разведчик не пытался атаковать, как будто немецкая авиация уходила на последовенный сон в это время. Самолет улетал и все приостанавливалось.

"Слушай, Андрей, что-то мне это не нравится, непонятно как-то все? – сказал Донов, – самолет улетел и погрузка закончилась".

– Согласен, Дима, надо понаблюдать.

Наблюдатели сменялись, также скрытно наблюдая за станцией. Ночью на станцию прибыли убывшие эшелоны и еще два новых с танками. По форме сопровождающих эшелоны солдат, разведчики разглядели, что это эсесовцы, а взяв "языка" выяснили, что сюда под Белгород прибывает дивизия СС "Викинг" полного состава.

"Аверков, пора тебе поработать, готовь аппаратуру и выходи на связь с центром, шифруй и передавай вот эту радиограмму", – обратился Алексеев к своему радисту.

Дмитрий зашифровал и передал следующий текст радиограммы: "Группа «Белый 1», наблюдаем днем советские самолеты-разведчики над станцией Белгород грузовая. В это время осуществляется ускоренная погрузка немецких частей и техники на эшелоны с убытием их по направлению к Курску. Как только самолет улетает, погрузка приостанавливается. Установлено круглосуточное наблюдение за станцией. Ночью на станцию прибыло 4 эшелона: два убывшие ранее с номерами П091-30, П077-61, из которых выгрузились пехота и произведена разгрузка танков, а также два новых танковых. По данным взятого в плен штурмфюрера СС Галлера два эшелона принадлежат танковой дивизии "Викинг", которая прибывает в полном составе в количестве 15000 солдат и 300 танков". Предполагаю проведение немцами открытой дезинформации о переброске войск из-под Белгорода".

Эти сведения срочно были переданы в отдел разведки фронта и далее попали к Рокоссовскому.

– Хм, немцы "дезу" летчикам подкидывают, значит. Ну, что же, у немцев тоже грамотные люди операции прорабатывают, просто все учесть нельзя, в том числе и проведенный анализ ситуации нашими разведчиками. Хорошо поработала разведка, молодцы!

В нашем полку было много, как централизовано поставленных, американских, так и взятых трофеями у немцев, переносных радиостанций. Ими укомплектовывались созданные маневренные группы тактической разведки из состава рот Лаврикова, Микулова и приданных этим группам радистов Орлова. Выдвинутые на передний край, находясь в ближнем тылу врага, группы активно передавали свои наблюдения и выбитые из пленных немцев сведения об изменении тактической обстановки, количестве и направлениях передвижения пехоты и танков противника.

Наши подразделения работали в зоне ответственности 27-й общевойсковой и 1-й танковой армий. Приданные штабам радисты – стационарщики с аппаратурой, настроенной на частоты мобильных групп, четко отработывали все доклады при взаимодействии с радистами армий. Начальники разведки армии повсеместно отмечали особую ценность работа групп ближней радиоразведки всех армейских частей. В итоговых отчетах Орлов, Чайкин и Размазов также отмечали четко организованное взаимодействие с армейскими радиоротами.

– «Орел», «Орел», как слышно, у деревни Бутово наблюдаются 20 подошедших танков. Новые какие-то, похоже, «Тигры» с нарисованными черепами. Это же эмблемы дивизии «Мертвая голова».

– Принял «Соловей».

– «Орел»! Внимание! Подошедшие «Тигры» развернулись в линию и атаковали батарею противника, уничтожив ее, а сейчас утюжат окопы фрицев.

– Не понял, «Соловей», повторите!

– «Орел», немецкие танки атаковали свои же позиции!

– Это «Чиж», сейчас на немецкой волне из района деревни Бутово вышел на связь «Язык», повторяю в 20-ти немецких танках наши разведчики, передать всем!

– «Орел», это «Соловей»! Наблюдаю, как «Тигры» разделились и двинулись вдоль немецких окопов. Повторяю...

В разрыв немецкой обороны, образовавшийся в результате неожиданной танковой атаки под командой Языкова, был брошен советский танковый батальон 1-й армии, поддержанный пехотой. В штаб фронта пошел отчет армейцев: «В районе деревень Завидовка – Бутово советскими частям удалось прорвать немецкую оборону на фронте шириной до километра и атаковать тылы врага нашими танковыми частями. Развиваем дальнейшее наступление».

Я, Чайкин, Конышев, Воронов, Клепченко и Недогаров объезжали соседние армии, проверяя и утрясая технические вопросы по согласованию работы наших групп с их радицентрами, а 11-го числа убыли к Прохоровке.

В самый кульминационный момент Курской битвы радиодивизион Воронежского фронта, которым командовал Костин, добыл важные данные об изменении направления главного танкового удара немцев с городка Обояни на Прохоровку. Поворот немецких дивизий на Прохоровку обнаружила также наша воздушная разведка. «Надо же, все происходит так, как и предсказал «Оракул» – немцы повернули и движутся на Прохоровку! – проговорил вслух Ватутин. – А я уж, грешным делом подумал о том, что и оракулы ошибаются, и Константин вместе с ним.

Командующий Воронежским фронтом Ватутин, убедившись в достоверности этих данных, успел отменить свой приказ о переброске 5-й гвардейской танковой армии на Обоянское направление. Эта армия и встретила противника под Прохоровой. Впоследствии, в том числе и

за эту битву, 131-й радиодивизион ОСНАЗ, которым командовал П.Т.Костин, был награжден орденами Красного Знамени и Богдана Хмельницкого за отличную работу.

12 июля, прибыв в расположение командного пункта 5-й танковой армии, где присутствовали также прибывшие сюда Рокоссовский и Ватутин, нам довелось быть свидетелями поистине титанического поединка на Курской дуге двух стальных армий, в котором сошлись до 1200 танков и самоходных орудий. Вначале на полях были видны коробочки танков и САУ, движущихся и стреляющих вперед. Где-то вдалеке виднелись другие коробочки, стреляющие в ответ. А вскоре ничего толком не стало видно – пыль от взрывов, дым сгоревшей солянки, дым пожаров, когда горела земля и танки – все смешалось и потерялось на этом поле. Танки шли на таран, проскакивали мимо друг друга, паля из пушек, а прорывавшиеся через поле немецкие танки встречались нашей артиллерией, как и наши – немецкой, останавливались подбитыми или, маневрируя, проскакивали дальше, уничтожая выстрелами или давя гусеницами сами пушки и их расчеты.

В целом вражеское наступление закончилось к 13 июля. Понесены огромные потери и продвинувшись до 12 километров на северном фланге Курской дуги и до 35 километров на южном, противник был вынужден прекратить наступление, а затем начать отвод своих войск. Окружить наши войска, как это предусматривалось планом операции «Цитадель», фашистам не удалось – наша оборона оказалась сильнее. Вот тогда были созданы необходимые предпосылки для перехода в запланированное контрнаступление РККА.

Второй этап Курской битвы начался 13 июля и длился до 23 августа. Докладывая о результатах первой части битвы на совещании Генштаба, Рокоссовский говорил: «Товарищи, главным итогом оборонительного сражения следует считать поражение танковых соединений врага, в результате чего возникло особо благоприятное для нас соотношение сил по этому важному роду войск. В значительной степени способствовал тому выигрыш нами крупного встречного танкового сражения южнее Прохоровки в 30 километрах от Белгорода. Товарищ Сталин, мы готовы к контрнаступлению!» В этих боях сражались не только танки, но и пехотные и авиаармии.

Первыми перешли в контрнаступление против Орловской группировки врага Брянский и Западный фронты, а 15 июля включился и наш Центральный фронт. В итоге совместной операции трех фронтов, носившей наименование «Кутузов», Орловский плацдарм противника к 18 августа был ликвидирован, а действовавшие там силы фашистов разгромлены. Но в нем мы не участвовали. Вместе с армиями наш полк был брошен на белгородско-харьковское направление, которое началось 3 августа, и закончилась полным разгромом врага и освобождением Харькова.

23 августа Москва салютовала освободителям Харькова, но потребовалась ещё неделя, чтобы окончательно разгромить немцев и освободить город. А вот в освобождении Харькова нам пришлось работать в полной мере на зачистке города.

В Москве в Ставке о результатах боев докладывали Жуков, Рокоссовский, Ватутин и Конев, основной мыслью выступлений которых, было подведение итогов сражения: «Одно ясно, товарищи, мы не только выиграли великую битву, но и выросли в ней, как командиры. Мы научились лучше разгадывать намерения врага и управлять войсками на всех уровнях. У нас хватило воли, выдержки и нервов не начать преждевременно боевые действия. Наше полководческое искусство, товарищи, продемонстрировало наше превосходство над воинским мастерством фашистского командования!»

В городах и на фронте слушали сообщения о состоянии дел на фронтах: «Говорит Москва! В результате Курской битвы РККА нанесла врагу сокрушительное поражение. В ходе оборонительно-наступательных боев были разгромлены 30 фашистско-германских дивизий, потери немецких сухопутных войск составили более 500 тысяч человек, 1500 танков, 3000 орудий и свыше 3700 боевых самолетов. Крупное поражение на Курской дуге явилось для

немецкой армии началом смертельного кризиса. Москва, Сталинград и Курск стали тремя важнейшими этапами в борьбе с врагом, тремя историческими рубежами на пути к победе над фашистской Германией! Ура, товарищи!»

В Ставке Гитлера царило уныние и апатия. Потерпеть такое поражение, когда сам фюрер вел их к победе, как такое стало возможным, где те победы, которые вермахт одерживал в 1941 году. Боевые генералы с горечью обсуждали былые успехи и те результаты, которые имелись на конец августа 1943 года. В сложившихся условиях, немецкий Генштаб и сам Гитлер из-за понесенных потерь были вынуждены объявить о переходе к стратегической обороне на всем советско-германском фронте.

Инициатива действий на советско-германском фронте была прочно закреплена в руках Красной Армии. Последующие операции велись уже в условиях нашего безраздельного владения этой инициативой и превосходстве в материально-технических ресурсах, что явилось важным фактором в достижении новых крупных военных побед над врагом. Наши военные и другие заводы выиграла у заводов половины Европы!

После этих боев снова много работы стало у медиков и механиков. На улице лето было в полном разгаре, а значит, букетом расцвели брюшные болезни, жестокие сражения привели в лазареты тысячи раненых, которых надо было обихаживать и поднимать на ноги. Наши девочки под командой мужчин медиков валились с ног, выстаивая боевые дежурства, но, как и все врачи госпиталей, боролись за жизни людей не щадя себя.

После боев поля были усеяны подбитой и брошенной техникой. Механики какую-то технику ремонтировали непосредственно на месте, а какую-то приходилось тащить на базу, где ее разбирали на запчасти или восстанавливали. Наши немцы уже вполне сносно разговаривали по-русски. Обучение происходило непосредственно в процессе службы, так и на языковом курсе в нашем учебном центре. Занятия по изучению основ румынского, итальянского и немецкого языка вела начальник курса Дана Ионеску, а русского и немецкого командир взвода переводчиков полка капитан Елена Павлова, бывшая до войны заведующей кафедрой иностранных языков в институте Кривого Рога.

В середине августа возвратились бойцы центра № 1 из-под Новороссийска. Ребята были в отличном настроении. Коллектив отработал очень хорошо, показав приличные результаты в мероприятиях РЭБ, радиоподавлении и разведывательно-диверсионной деятельности. Клепченко, Микулов, Бурят и Киричев были награждены орденами «Александра Невского», командиры ряда подразделений получили ордена «Кутузова» 3-й степени, также орденами и медалями были награждены отличившиеся бойцы. За поимку диверсионной группы «Бранденбурга» и содействие в дальнейшем раскрытии вражеской сети Микулов, Шаламов, бойцы патруля и я были награждены орденом «Красного Знамени». С юга бойцы центра привезли горы фруктов и овощей, несколько ящиков вина.

Прибыли парни почти вовремя, поэтому вместе с остальным полком успели поучаствовать в Харьковской операции. Здесь наш полк столкнулся с венграми, народом, чьи этнические корни происходят из угорских народностей восточного Урала. В отличие от своих ближайших языковых родственников – хантов и манси, оставшихся в тайге, венгры ушли в степи и стали вести кочевой образ жизни. То есть прародина современных венгров – Сибирь. Поразительно, по каким причинам этот народ проявлял такую жестокость к мирным жителям и военнопленным своей прародины. А в 21 веке правительство Венгрии на государственном уровне объявило героями военнослужащих своего государства, воевавших во Второй мировой на стороне фашистов. В соответствии с докладным сообщением руководителя Политуправления Воронежского фронта генерал-лейтенанта Шатилова, в Воронежской области венгерские солдаты в 1942 году прославились нечеловеческой жестокостью по отношению к гражданскому населению и попавшим в плен солдатам Красной Армии. Когда наши войска освобождали села

и видели, что творили венгры, генерал армии Ватутин отдал приказ войскам фронта «в плен венгров не брать». Вот и бойцы полка под Харьковом добивали остатки венгерской армии.

– Бурят, окружай деревню, пусть твои снайпера берут на прицел все, что движется в ней в военной форме!

Выступив с речью на немецком языке с предложением сдаться, в ответ услышал грубые выкрики. Я давал последние наставления штурмовой группе: «Окружаете дом, сарай, погреб, не подставляясь, кричите на русском, чтобы выяснить о наличии в них советских граждан. Если отзывают нет, то действуем по принципу – видишь погреб, брось гранату».

– А если там наши?

– Если молчат, значит, нет там наших, а мне ваши жизни важнее. Приказ ясен? Тогда вперед на зачистку, псы войны!

Дом окружался, ребята кричали, предупреждая о том, что если в доме есть советские жители, то чтобы они откликнулись, иначе, дом будет взорван.

В случае ответной тишины в дом летели гранаты, двери, коня и стены расстреливались из пулеметов и только тогда парни в аналогах бронежилетов будущего входили в дома. Крышки погребов аккуратно приоткрывались и снова бойцы кричали, предупреждая наших жителей. Если в доме в ответ снова была тишина, то в подполье или комнату кидалась граната, после взрыва которой, частенько раздавались крики боли. Тогда помещение закидывалось новыми «лимонками», после чего внутрь лезли бойцы, расстреливая контрольными выстрелами лежащих раненых и мертвых венгров.

Иногда в ответ слышались крики женщин или детей. Тогда у дома оставались наблюдали, которые выясняли обстановку в доме и действовали по оперативной обстановке. Венгры отчаянно сопротивлялись, отстреливаясь из оружия и кидаясь в рукопашную.

– Там венгры окопались, прикрываются мирными жителями.

– Не мне вас учить, как выбивать всех этих уродов, берущих заложников. Разговор с ними короткий, выстрел в руку с оружием или сразу в голову, смотрите сами по ситуации.

– Приказ понятен, командир.

Таких вот умников отстреливали снайпера, либо рая, либо укладывая наповал выстрелом с тыла или в лоб. Раненых, которые из-за ранения отпускали своих жертв, озверевшие от крови и таких «фокусов» наши бойцы добивали ножами или долго и медленно расстреливали из автоматов, рисуя пулями узоры. Я не лез в это дело и никого не одергивал – «долг платежом красен». Часто к этим экзекуциям присоединялись и освобожденные местные жители, кидаясь на них с лопатами или вилами или прося у нас автоматы и расстреливая захваченных врагов. Помогали они нам выявить места, где окопались все эти фашисты.

Очередная деревня была зачищена от венгров, немцев, румын или полицаев всех национальностей и штурмовые подразделения полка двигались выполнять эту грязную работу к следующей деревне.

При таком подходе, когда вначале летела граната, а за ней шел наш боец, а не наоборот, потеря в батальонах практически не было. Нам гранат и патронов было не жалко, а вот боевых товарищей парни терять не хотели, поэтому уничтожали все, что шевелится и не отзывается по-русски. Зато наверх шли рапорты и сводки об освобожденных населенных пунктах и отсутствии потерь в полку. Нужно отметить, что все бойцы Красной армии не церемонились с врагом, буквально выполняя приказ «Пленных не брать».

После Харьковской операции армия Венгрии перестала существовать на восточном фронте. В ходе боев было уничтожено около 200 000 венгерских солдат и офицеров.

В сентябре прошли награждения во всех частях Красной армии за Курско-Белгородскую и Харьковскую операцию. В нашем полку я и Недогаров получили орден «Суворова II степени», Горяев, Ледков, Кириллов, Семаков, Свистунов, Донов, Евсеев, Чайкин, Орлов, Алексеев и Китов ордена «Александра Невского» или «Кутузова» III степени. Языкова за танковый

прорыв наградили медалью «Героя СССР». Как обычно, награжденные были во всех подразделениях нашего полка. Получил награду и сын полка Иван Шалимов – за проявленную доблесть он был награжден медалью «За отвагу».

Немецкий батальон также не был обижен медалями и плановым повышением в званиях его солдат.

Росло и денежное благосостояние воентехников и военных инженеров, служащих в ремонтных батальонах, исправно получающих премиальные за отремонтированные орудия, танки, машины и БТРы. В нашем полку у каждого ПНШ, начальника службы и командира батальона был закрепленный за ним личный легковой автомобиль, причем было уже три автомобиля представительского класса «Хорьх» и мой «Мерседес» Разведчики захватывали тягачи, грузовики, а также пару мобильных ремонтных баз, сопровождающих немецкие танковые группы, за которые были представлены и получили ордена «Красного Знамени», а командиры подразделений ордена «Суворова» III степени. На нас косо поглядывали отдельные командиры полков и даже дивизий, но наезды на совещаниях в штабе фронта я отбивал. Рокоссовский меня поддерживал в вопросе моторизации полка.

Выяснилось, что в советских танках даже если и есть радиостанции, то слушать их невозможно из-за слабой системы подавления шумов. Наши радиоинженеры и радиолюбители выработали схему улучшения качества радиоприема. На башню танка выносилась антенна, реактивное сопротивление соединительного кабеля согласовывалось с сопротивлением входных контуров приемника, добавились селективные емкостно-индуктивные цепочки входных фильтров. В сам тракт радиостанции, устроенной по принципу прямого усиления, была введена автоматическая регулировка усиления, в усилитель были введены отрицательные обратные связи по току, спаянные на резисторе и конденсаторах. В общем, примитивные танковые радиостанции серьезно дорабатывались, доводя выходной сигнал до приемлемого уровня восприятия. Танкисты из-за сплошной трескотни, а если сказать технически грамотно, то радио- и электромагнитных помех в эфире, с периодически прорывающимися через этот шум отрывками голоса командира танковой роты, раньше просто отключали свои радиостанции, чтобы не болела голова. Поэтому, опробовав наше ноу-хау, выразили большое одобрение данным доработкам. Я подал на всю группу разработчиков в лице Чайкина, Орлова, Размазнова, Бушина, Наумова, Олега Трофимова и нескольких радистов представление на ордена «Красного Знамени», документы на рацпредложение и выписал премию в размере пяти размеров денежного содержания. По этому образцу были доработаны все танковые радиостанции на восстановленных нами советских танках. На немецких же танках радиостанции были очень приличными. Лишними танковыми радиостанциями стали снабжать наши полковые командные БТРы.

Красноармейцы ходили или бегали по своим делам, что-то там делали полезное, а я сидел на пне дерева, наслаждаясь последними теплыми деньками, вдыхая аромат осени и думая о вечном, то есть о перспективных планах действий нашей части, когда эту идиллию прервал Чебанян.

– Палыч, слушай, надо что-то делать.

– В смысле, если надо что-то делать, давай сделаем.

– Мы ремонтируем танки, их у нас уже под сорок штук готовых. Давай усиливать полк танковым кулаком. Механизированная часть у нас уже есть – БТРы, да мотострелки, теперь надо и танки добавить к оснащению полка.

– И как я тебе это проведу? Это же надо все через кадры фронта проводить, изменение штатной численности, довольствие, обмундирование – все нормы менять надо. Как я это проведу при установленных Наркоматом обороны штатах части?

– Ты же командир, голова всего, вот и думай!

Собрав подготовленные мне Аташевым, Недогаровым и Клепченко документы и справки о нашей численности и выдержки из кадровых приказов отправился я к самому Рокоссовскому. Попав к нему в кабинет и поприветствовав его, приступил сразу к делу:

– Товарищ комфронта, в нашем полку сложилась следующая ситуация. Имеется мощнейшая для нашего уровня ремонтная часть, мы восстанавливаем кучу бронетехники и отдаем ее в профильные части. Мы же диверсионный полк, у нас есть моторизованный батальон для проведения рейдов. Считаю крайне целесообразным провести реорганизацию нашего полка и увеличить его численность и количество различных боевых подразделений.

– Кольцов, ты подумал, что сказал. Как я тебе увеличу определенную Москвой численность?

– Константин Константиныч, вы же имеете право создания подразделений и определенных кадровых маневров в рамках фронта. Давайте обзовем наш полк экспериментальным, а правильнее сказать, особым, тогда все это можно будет менять вашими приказами по фронту. Мы будем не стандартная единица, а особая, созданная для определенных целей.

Примерно в таком духе и шел наш разговор в течение получаса. Я доставал выписки со ссылками на различные приказы, приводил обоснования в части боевого использования нас с учетом танковой техники, логистические и ремонтно-эксплуатационные моменты.

– Вот же, как клещ вцепишься, пока не добьешься своего. Только лишь зная тебя, что все это для дела будет использовано, иду навстречу твоим пожеланиям.

– Дежурный, соедини меня с Корчагиной. Елена Анатольевна, зайдите ко мне.

После этих побед на фронтах наступило некоторое затишье, связанное с зачисткой освобожденной территории и подтягиванием резервов к передней линии. Рокоссовский в этот период стал приглашать меня в числе ближайшего окружения на «семейные посиделки», на которых отмечали победы последних операций, разговаривали о будущем, о военной и мирной жизни. Здесь я спокойно общался с Рокоссовским, Малининым, Талановой и некоторыми командармами, например, с Батовым и Горбатовым.

В этот период я находился в хорошем, даже умиротворенном настроении, связанном с общей эйфорией Победы. Я на радостях отписал письма Мессингу, Боголюбову Мишке и Вере Евгеньевне Васильевой, поблагодарив, в том числе, за огромную работу по продвижению идеи производства пенициллина – первые партии поступили во фронтовую госпиталь, как раз в сентябре этого года, Алевтине Вениаминовне Шагаевой, с которой мы частенько переписывались, и в Ташкент.

Прочитал пришедшее мне письмо от Пряновой, в котором она рассказывала о знакомстве с Мессингом и о своей подруге и соавторе темы военном психиатре Татьяне Гапоновой. Вместе они скооперировались и развивают тему НЛП тестов по определению психопортрета человека. Жаловалась, что хорошо было бы сделать «детектор лжи», о котором я рассказывал, для опробирования тестов. Я написал ей о своих делах и о том, чтобы о детекторе она особо помалкивала. Вот закончится война, тогда я и займусь этим делом.

Неожиданно пришло письмо от Ольги из Кубинки. Она рассказывала о своих делах, и спрашивала, как идут мои. Я написал ей ответ, в котором говорилось о том, что если буду в ее краях, то с удовольствием повидать ее и мужа. Оказалось, что она вышла замуж за того самого заводилу, с которым когда-то был инцидент нашей группы, только сейчас он стал бывальым летчиком, командиром эскадрильи, орденосцем и глупостями не занимается.

Приезжали с концертами артисты, как из столицы, так и коллективы с других городов СССР. Также войска, стоящие в Курске, Белгороде, Харькове, Орле подверглись нашествию, как настоящих военных корреспондентов, так и представителей центральных и местных газет.

Снова увидел в штабе фронта корреспондента «Известий» Марину, которая явно кого-то искала. Я помахал ей рукой, которую она не увидела, и, подойдя к ней сбоку, поздоровался.

«Ой, здравствуйте, – ответила она, – а я вас искала специально. В штабе фронта сказали, что вы тоже будете среди комсостава на концерте».

– Вас не обманули, я уже тут. Ну, что, займемся тем, чем обычно занимаются корреспонденты – взятием интервью?

– Вы знаете, товарищ полковник...

– Простите, Марина, но вы военный корреспондент, поэтому обратите внимание на этот нагрудный знак «Гвардия», значит гвардии полковник.

– Товарищ гвардии полковник, Александр Павлович, у меня с вами получаются хорошие интервью, их редактор печатает практически без корректировок, поэтому расскажите о Курской дуге своими словами, а я запишу.

– Давайте, Марин, я расскажу о Курской дуге, а вон майора видите – это Геннадий Микулов, а рядом капитан Владимир Шаламов, вот они расскажут вам о «Малой земле», а вон наши радистки Рита и Аня, с ними пообщайтесь тоже о работе радиодивизиона.

Марина много записала в блокнот, потом нас сфотографировал фотограф газеты и довольная, она ушла общаться с командирами и солдатами других частей.

«Марин, если вам не трудно будет, в случае если о нашем полку вышлите штук 10 газет!» – выкрикнул ей вслед я.

Концерты давались в разных армиях разными артистическими коллективами. Поскольку наша база была в Курске, то все свободные от дежурств и боевых выездов бойцы подтянулись к центральной площади города, где была установлена сцена и артисты выступали со своими номерами для солдат. Среди коллективов я снова увидел наших старых знакомцев по Сталинграду. Они дали три концертных номера, уступив место следующим артистам. Я еле продрался через людскую толпу, чтобы подойти поближе и попытаться пообщаться. Размахивая руками и называя девушек по имени, смог привлечь их внимание, прежде чем они погрузились в свой автобус. Люба, а потом и другие артисты узнали меня, особенно после того, как я напомнил им про совхоз Котлубань. Наобнимавшись и нацеловавшись с молодыми, да какими ж молодыми – почти моими ровесницами, можно сказать, артистами, мы немного поболтали об их творческих планах. Так я, заодно, и познакомился с Галей, после чего они уехали дальше.

Потом на сцену вышел Вольф Мессинг. Вот уж кого я не ожидал увидеть, так это его здесь. После своего номера он спустился со сцены и подошел ко мне. Мы обнялись.

– Сознайся, Александр, что не ожидал меня увидеть!

– Сознаюсь, Вольф, вот кого-кого, а тебя не ожидал увидеть – удивил.

Мы отошли в сторону и, как и в прошлый раз в Москве, пошли гулять по Курску.

– Вольф, давай заглянем в наш полк, посмотришь, как я обитаю, а обратно мы тебя на «Мерседесе» подкинем, попробуешь своим организмом, как себя чувствует пассажир в этом чуде немецкого автопрома.

– А пошли, Александр! Знаешь, я тоже решил повидать тебя. Мы побеждаем и провидцы становятся лишними, в их услугах уже нет такой нужды. Будь осторожен, если что – решай все кардинально, в своем духе, но даст Бог, обойдут стороной тебя эти беды.

– Спасибо Вольф, буду иметь это в виду.

– Я тоже уезжаю на постоянное место жительства в Новосибирск подальше от Москвы.

– А что так?

– Душно мне в ней под постоянной опекой, да и завистников много у меня – надоело!

– Давай! Тем более, что похоже на знак Бога и ты едешь за своей судьбой. Вольф, я не знаю, как сложится моя судьба в будущем, но я очень рад, что мы стали товарищами!

– Я тоже рад, Александр. Товарищей в мире мало, а у меня, так, практически, и нет никого.

– Тебе «Мерседес» не нужен? Я знаю, денег у тебя хватит, а вот купить машину ты не можешь, ибо, не продают.

– Спасибо, все равно фронту передам ее, к тебе же и вернется.

– Ко мне вряд ли, какой-нибудь генерал-интендант себе приберет.

Пообщались и по вопросу психологии. Он сказал, что пусть девушки занимаются этими темами, станут первопроходцами этой области науки и все у них идет нормально, особенно, после проведенных им сеансов гипноза, когда они на себе почувствовали эффект ясности сознания в ощущении и понимании самих себя, своей психологии. Раз они себя осознали, то и с чужой проще разбираться будет.

Вольф обошел наш полк, заглянул к раненым и дежурным. Я представлял его коллективу. После чего он показал несколько номеров в лазарете, где я ассистировал ему в соответствии с получаемыми указаниями. Потом я выписал ему официальную благодарность от командования полка.

– Теперь, Александр, если мне кто-то скажет, что я отсиживался в тылу, то мне будет, что ему показать в ответ.

– Это точно, Вольф.

Напоследок он произвел несколько выстрелов из разных пистолетов, СВТ и автоматов на нашем полигоне. С лета 1043 года полк стал получать очень удобные пистолет-пулеметы Судаева «ППС-43», похожие на немецкий «Шмайсер», только по полтора килограмма легче и надежнее в эксплуатации.

– Александр, мне понравился «Вальтер».

Я выписал ему наградные документы на пистолет «Вальтер Р38» в комплекте с глушителем и сотней патронов, немецкий нож, уложенных в нашей фирменной шкатулке и все это торжественно вручил в присутствии комсостава полка. После чего мы посидели у меня в кабинете, махнули по рюмочке кавказского вина и я отвез его на «Мерседесе» к концертной бригаде.

Выйдя из машины и проводив Мессинга, я дослушал окончание концерта. Потом бесцельно гуляя по площади, отошел к её краю и услышал заинтересовавший меня разговор двух ефрейторов, стоящих ко мне спиной.

«Ты понимаешь, Петь, вот служил я год в пехоте, в атаку ходил, в окопах сидел и ни одной медали не выслужил. А тут узнал наш комполка, что я красиво и грамотно пишу и забрал меня в писари. И вот после Сталинграда сижу я и придумываю, как лучше описать подвиги солдат, заполняя на них наградные бланки, – рассказывал один солдат другому, – а тут полковник наш заходит и спрашивает меня: «Гарин, а ты имеешь медали?»»

– Я отвечаю, что нет, не имею.

Тогда полковник и говорит: «Пиши на себя наградной лист на орден «Красной Звезды». Я ему отвечаю, что неудобно, а он тогда поручил написать на меня второму писарю. Так вот, проверяя наградные бланки, видать, он моего бланка не заметил и написал на меня наградной лист на орден «Отечественной войны» 2-й степени. Вот так я и получил эти два ордена за 2 недели службы в штабе.

Тут они повернулись и, говоривший о своих орденах, явно испугался.

– Здравия желаем, товарищ гвардии полковник.

– Здравия желаю, товарищи красноармейцы, а по поводу своих орденов не переживай. Ты честно служил в пехоте, а потом не воспользовался своей возможностью вписывать себя в наградные листы. Поэтому по справедливости, пусть позже, но награда нашла тебя сама. И полковник ваш, молодец, что поощряет солдат, они лучше служить будут, получая такой дополнительный стимул.

Мужики заулыбались и, отдав мне честь, отошли и затерялись в солдатской толпе.

Глава 4. Охота на «Вервольфа»

Несмотря на затишье, война продолжалась, так же были боевые столкновения и гибли люди. Войска Центрального фронта под командованием уже генерала армии Рокоссовского приступили к проведению Черниговско-Припятской наступательной операции, являющейся первым этапом битвы за Днепр. К началу операции общая численность войск составляла почти 600 000 человек. И 26 августа вся эта армада живой силы и техники перешла в наступление.

Через пять дней Малинин доложил Рокоссовскому: «Товарищ комфронта, по докладам командармов на направлении главного удара на город Рыльск они встретили упорное сопротивление противника. К исходу 31 августа мы смогли вклиниться в немецкую оборону всего на 20-25 километров».

– То есть мы ошиблись с выбором направления?

– Так точно, немцы просчитали наши ходы и создали мощный укрепрайон. Однако, Константин Константиныч, на вспомогательном направлении наступления советских войск немецкое командование не подготовило надёжной обороны и не располагает необходимыми резервами. Давайте послушаем генерала Черняховского.

Генерал Черняховский встал и кратко доложил командующему фронту: «Товарищ командующий фронтом, моя 60-я армия, используя слабые оборонительные рубежи на Конотопском направлении, прорвала вражескую оборону и с боями продвинулась на 60 километров, вступив на территорию Украинской ССР. Перед нами лесостепи, где практически нет серьёзных оборонительных рубежей. Мы сможем ударной группой прорваться вплоть до Десны, а при организации четкого снабжения, в частности горючкой для танков, то и к Днепру».

Рокоссовский немедленно вылетел в район наступления и, оценив обстановку, принял смелое решение о переносе направления главного удара в полосу 60-й армии. С рыльского на конотопское направление срочно перебрасывались танковые и другие части прорыва. В результате этого наступления через неделю советские войска уже освободили Конотоп.

Наш полк находился на Рыльском направлении и так же, как и вся армия, топтался на месте, выполняя забросы групп в ближний тыл противника, и противодействуя работе его радиослужб, точно так же мешающих работе наших радистов. За это от армейского командования приходилось выслушивать упреки и жалобы, что радиодивизионы не обеспечивают защиту оперативной радиосвязи при управлении фронтами. В общем, мы были виноваты в топтании на месте из-за трудностей в управлении войсками. Я отбивался, что мы тоже не все-сильны, и не может полностью блокировать немецкие службы. А топчитесь на месте, потому что думать надо, а не переть армадой на укрепления противника в лоб, как бараны на новые ворота, «ширше» думать надо. Крик стоял мощный на таких совещаниях, ведь когда что-то не получается, то обязательно надо найти виноватого, пока самого не сделали таковым. Споры между командующими частей командным голосом прекращал Рокоссовский.

Командование полка сидело на нашем полковом совещании и обсуждало последние вести с фронтов. Я делал доклад по обзору общей ситуации на фронте с учетом послезнания, потому что многие операции советских войск до меня никто, естественно, не доводил, например, о Закарпатском рейде партизанского отряда генерал-майора Ковпака.

– Товарищи мои, вот что я вам скажу, в сентябре мы выйдем к Днепру и нашему полку надо проявить себя.

– Согласен, командир, но что можно придумать, мы выполняем текущие задачи, а решить что-то кардинально на фронте у нас нет сил.

– Сейчас совершает свой стодневный рейд по вражеским тылам примерно двухтысячный партизанский отряд Ковпака, который начав свой путь из Белоруссии, прошел с севера Жито-

мирщины и сейчас воюет где-то в Прикарпатье. Я думаю, что этот рейд имеет кроме явных военных целей, а именно, оттягивания на себя войск противника во время Курской дуги, нарушения коммуникаций противника еще и тайные, политические. Хотя нет, все-таки нет, слишком уж он западнее прошел.

– А политические мотивы, командир, какие и, что значит, нет?

– Как какие, Владимир Тимофеевич, самые, что ни на есть советские – установление советской власти на территориях, где мало немцев, свершение возмездия над предателями и полицаям и так далее, поднятие на борьбу с оккупантами местное население.

– А что вы имели в виду, когда сказали, что все-таки нет?

– Я подумал о том, что этот рейд мог иметь тайную цель захвата ставки Гитлера на Украине. Поясню свою мысль. Близ села Стрижавка, что под Винницей, есть тайный бункер с названием «Вервольф» или «Логово Вервольфа», в котором сейчас находится Гитлер и вся его Ставка, то есть верховный командный состав всей Германии, и будет находиться там примерно до 15 сентября. А что это означает? Наш разведчик Николай Кузнецов месяца два назад вроде бы должен был сообщить командованию об этом бункере, но он не знает координат, а я знаю.

Вот я и подумал вначале, что данная информация по агентурным каналам должна быть у советского командования и неявной задачей Ковпака является атака и захват этого бункера. Но все-таки, нет, его рейд слишком западнее проходил, если не ошибаюсь, то он двигался на Ровно, в котором располагается рейхскомиссариат Украины во главе с настоящим палачом Эрихом Кохом, да и сил у него мало.

– Так Ковпак напал на Ровно?

– Нет, Ровно Ковпак не стал атаковать, маловато сил у него было. Вот я и подумал, что он мог повернуть на Винницу и быть здесь. Но он повернул на Тернополь. В Житомирской и Винницкой областях действует крупный отряд генерал-майора Наумова, но он тоже, получается, что не в теме, где находится этот бункер.

«Это очень важная информация о бункере, вы уверены в этом, Александр Павлович? – напряженно сказал Горяев.

– Само собой, дорогой Владимир Тимофеевич.

– Если вы уверены в этом, то я обязан проинформировать Члена Военного совета фронта Телегина.

– Согласен, Владимир Тимофеевич, обязательно проинформируйте. Итак, продолжим разговор о том, что собой представляет этот бункер. Это целый наземно-подземный комплекс из 81 объекта. Чтобы надежно замаскировать наземные сооружения, над ним высажены около 800 деревьев и несколько тысяч кустов. Центральная зона огорожена колючей проволокой и проволочной сеткой, за которой находятся: служба гестапо, телефонная станция, жилые дома для высших офицеров, бомбоубежище, церковь и бревенчатый домик фюрера. Подземная часть «Вервольфа» имеет семь этажей. На нижних этажах располагаются технические службы – целая станция жизнеобеспечения. Третий этаж – резиденция фюрера, а остальные имеют административное назначение.

Но это все лирика, а вот теперь об охране объекта: на территории вокруг ставки приняты беспрецедентные даже для военного времени меры безопасности. Охранная группа специального назначения «Ост» или по-нашему «Восток» контролирует район от попадания в него неблагонадежных и подозрительных лиц. В округе установлен жесткий охранный режим: все жители переписаны и имеют личные аусвайсы, в округе введен комендантский час, на аэродроме в Калиновке базируются два полка истребителей, а непосредственная защита бункера возложена на подразделения дивизии СС «Адольф Гитлер». После создания «Вервольфа» военнопленные, принимавшие участие в строительстве, были расстреляны, а самолет с немецкими инженерами и наемными рабочими, возвращавшимися в Германию, взорвался в воздухе. Это все, что я знаю об этом месте. Что мы можем предпринять, прошу высказываться?

Начались бурные дебаты, главным мотивом которых была мысль взять в плен бункер.

«Товарищи командиры, давайте бункер в плен брать не будем, ограничимся Гитлером и захватом его высокопоставленных жителей, если уж на то пошло. Но, а если говорить серьезно, то нашему подразделению это не под силу. Здесь нужна дивизия, не меньше – слишком уж мощно он охраняется.

– А если Гитлер уедет оттуда, что тогда, командир, когда бункер пустой останется?

– Тогда там будет ставка Манштейна.

«Командир, давай я с десятком бойцов схожу на разведку, в реальности оценить, что там творится, – подал голос Петр Птицын, – возьму снайперов, вон Женя Малеев засиделся уже в преподавателях, следопытов, сапера, радиста, силовиков и слетаем, осмотримся».

– Понимаешь. Петр, впустую это сейчас, да и трудно к логову этому подобраться. Я так полагаю, что выследить вас там запросто смогут. Слишком большие силы задействованы в охране. Да еще и окопаться за пару лет хорошо смогли, «секретов» понаоборудовать, так что я – против этой авантюры! Хотя кто его знает, как госпожа История поведет себя из-за меня?

– Командир, откуда ты все это знаешь?

– Это не важно, важно, что я все знаю.

Горяев ездил в штаб фронта, после чего меня вызвали к Рокоссовскому.

«И ты молчал о таких знаниях, я даже не спрашиваю, откуда ты это знаешь! – распинался Рокоссовский. – Это же информация государственного уровня, а он – против! Видали стратега! В Ставке знают, что есть бункер где-то под Винницей, говоришь «Вервольф» называется, но где-то под Винницей, это считай половину области надо исследовать, а ты указываешь точную деревню».

– Товарищ Рокоссовский, я против того, чтобы направить нашу разведгруппу, потому что толку не будет, но совсем не против десантной дивизии.

– Значит так, направляешь свою группу, одновременно пойдут самостоятельно группы фронтовой разведки и Осназа. Я получил соответствующие указания обеспечить проведение разведывательной операции, по результатам которой будет проведена войсковая операция, скорее всего, десантной дивизией Воронежского фронта Ватутина.

– Так точно, товарищ комфронта, сегодня будет подготовлена группа и в ночь отправится на задание.

– Вот так и надо действовать, исполняй!

Вечером я вместе с разведгруппой прибыл на аэродром. Парни улыбались, важность задания будоражила кровь, возможно, получится увидеть самого Гитлера в прицел винтовки – это ли не подвиг! Рядом стояли ребята из армейской разведки 60-й армии, а чуть дальше стояла группа Осназа. Немного отдельно от армейцев стояла стройная темноволосая красивая девушка в камуфляже с парашютом и рацией. Я представился и заговорил с ней: «За какие провинности такую красивую девушку сослали на такое задание, тут парням тяжело будет?»

«Почему сослали, я сама вызвалась, и не смотрите, что я худенькая, я спортсменка, бегаю и стреляю хорошо, так что многим парням не уступлю!» – ответила девушка.

Подошел Птицын и командир группы армейцев.

«Товарищ гвардии полковник, вы, пожалуйста, нашу Олю не сбивайте с правильного пути, она хороший специалист своего дела», – сказал мне капитан.

– Хорошо, не буду сбивать прекрасную девушку Олю с правильного пути, тем более, что это ее сознательный выбор, как советского человека.

Ольга немного засмушалась, но было видно, что ей приятна похвала, собственно, как и любой девушке.

– Товарищи, большая просьба к вам, будьте осторожны! Там в охране лучшие егеря собраны, они в лесах и полях лучше нас ориентируются. Еще не доверяйте местным жите-

лям, всех коммунистов и сочувствующих давно выбили, остались либо нейтральные, либо ярые приверженцы нового режима, помните об этом!

«Не может быть, там же советские люди, а мы освободить их идем! – возразил капитан.

– Мое дело предупредить, ваше услышать. Хотя, зря все это, историю не повернуть вспять, Гитлера мы, к сожалению, сейчас не достанем. Петр, если что, то отступай на север в леса Житомира и ищи там партизанские отряды Наумова, они где-то в том районе сейчас воюют. Или двигай на Чернигов, куда мы также нацелились, так что ждем тебя там.

Вышли экипажи самолетов, которые летели на трех самолетах под каждую группу и подана команда на загрузку.

Я помахал уходящим парням рукой. Обернулась и Ольга – я активно помахал ей, она махнула в ответ. Ребята загрузились, в самолетах закрыли люки и, разбежавшись по полю, они ушли в небо.

«О чем задумался, Сань?» – спросил Вадим, положив мне руку на плечо.

– Да так, Вадим, непонятно что-то мне, что нас впереди ждет.

– За группу волнуешься.

– Да, я всегда волнуюсь за ребят. Просто часто это «в рабочем порядке происходит», вот и незаметно, а сейчас беспокойно на душе. Ты же тоже переживаешь?

– Ясное дело, ведь с ребятами столько лет вместе плечом к плечу воюем.

Группа должна была десантироваться западнее Винницы километров на двадцать. Приземление прошло успешно и, спрятав парашюты, группа Птицына выдвинулась к Виннице, которую собиралась обойти с севера. Партизанских отрядов тут практически не было, точнее сказать были они малочисленны и разрозненны – обширные степи вокруг не давали возможности прятаться большим соединениям, да и сами жители особо не рвались в партизаны. Группа шла ночью, обходя хутора, согласно инструкции, скрываясь ото всех.

Армейская группа также приземлилась удачно километрах в пятнадцати от Стрижавки. Собравшись, те также выдвинулись на поиски объекта. Пройдя километров 7-8, командир принял решение отдыхать и, дождавшись утра, сориентироваться на местности. Впереди лежало озерцо и недалеко были видны мазаные домишки с камышовыми крышами какого-то села.

«Судя по карте, мы где-то здесь, рядом должна быть еще пара озер и речка, связывающая их», – посмотрев на карту, сказал капитан.

Вдоль берега с более сочной травой, чем в поле, бродили выпущенные на выпас коровы.

«Хорошо местные живут: коровки, овечки – мне бы такое хозяйство не помешало. Как думаешь, Оль», – обратился лейтенант из последнего пополнения разведбата, усердно пытающийся ухаживать за девушкой.

– Я городская, к коровкам не приучена, а если вам, товарищ лейтенант, такое не помешало, то в будущем и заведете себе стадо.

– Ух, какая ты серьезная.

Капитан ухмыльнулся про себя: «Молодец Оля, не дает спуска этому лейтенанту. Прислали его на месяц в часть, и сюда комбат навязал, мол, у него кто-то в штабе дивизии родственник, так что пусть за боевым орденом сходит. Парень, конечно, крепкий, но какой-то он мутный, «не наш человек».

Группа перемещалась вдоль неглубокой заросшей кустарником ложбины и подошла к небольшой речке, впадающей в озерцо. На берегу озера стирали белье несколько женщин. Разведчикам пришлось пройти несколько десятков метров по открытому пространству, чтобы начать переходить речку

«Бабоньки, дивитися, партизани, клич охорону!» – заголосила одна тетка, а вторая метнулась в село.

«Она что, сдурела, на своих, советских, кричит?» – спросил старшина разведчик.

«Значит «свои» для нее фрицы, предупреждал же полковник не попадаться на глаза местному населению, быстро бегом назад в роще!» – отдал команду капитан, и группа рванула назад к лесному массиву.

В деревне поднялся переполох, залаяли собаки, и показался тентованный грузовик. Группа убегала, их преследовали немецкие егеря из подразделения «Ост».

– Не отстают, гады, причем загоняют к реке, поднажмем ребята.

Группа вроде оторвалась от преследователей примерно на километр, когда стал слышен лай собак сбоку, со стороны реки.

– Окружают, командир, надо что-то делать.

– Что тут делать, радистка и пара бойцов пусть уходят, а мы примем бой, собак хоть перестреляем, чтобы ребята ушли.

– Я не пойду, мое место с вами.

– Это приказ, оторветесь от преследования, отбей шифровку в радиоцентр армии, что попали в засаду, предали местные и уходите, как полковник советовал, на север, там отряд Наумова действует, среди своих будете.

– Кто будет прикрывать Ольгу?

Все стояли молча. Вперед вышел лейтенант: «Я пойду».

– Хорошо, ты и Сидоров пусть идет. Давайте ребята, не подведите!

Семь человек занимали позицию в шахматном порядке, страхуя друг друга с флангов, а трое убегали дальше в лес. Лай собак был совсем близко, причем с двух сторон. Группа приняла бой. Трое разведчиков бежали вперед, не останавливаясь, а сзади слышались выстрелы разгоревшегося боя. Перейдя пару ручейков, увидели впереди просвет среди деревьев и виднеющееся приличное озеро, с берегами, густо поросшими камышом. Сзади послышалось повизгивание собаки, настигающую свою жертву.

«Догоняют, сволочи. Лейтенант, мы остаемся прикрывать отход, Оля – ты уходишь, надо обязательно предупредить наших», – сказал Сидоров, тяжело дыша и, развернувшись, стал налаживать лежку за деревцем.

Раздался пистолетный выстрел. Ольга оглянулась, лейтенант держал в руке пистолет, а Сидоров лежал с простреленным затылком.

«Сдаваться будем, скидай рацию и садись. Все равно не уйти, а с твоим шифром мы ценнее будем», – сказал офицер и подошел к девушке.

Сзади раздался лай и на полянку выскочил немец с собакой.

Лейтенант начал оборачиваться и согнулся, получив удар ногой по яйцам. Ольга выхватила из кобуры пистолет и выстрелила в немца, потом в лейтенанта, потом в собаку, а потом в выскочившего на поляну второго фрица и побежала. Добежав до застоялого мутноватого озера, она аккуратно зашла в воду, стараясь не поднимать взвесь, по пояс в воде сбросила рацию, забрав шифр и проплыв метров тридцать вдоль берега, спряталась в воде в камышах. Минут через десять на берег вышло еще двое немцев. Они прошли по берегу, расстреляв пару рожков по камышам и воде, и ушли в лес. Опасаясь засады, девушка просидела в камышах несколько часов, совсем задубев в достаточно теплой воде. Периодически доставала флягу со спиртом из вещмешка и пила по глотку. Часам к 15.00 она вышла из озера и направилась в лес. Рация была безнадежно залита водой, просочившейся через горловину брезентового вещмешка, даже не стоило и включать. Тела бойцов были забраны немцами для отчетности. Отогревшись и немного подсохнув, девушка двинулась на север. Забирать их никто не собирався, потому что группы должны были дожидаться десанта и влиться в него. Почему-то никто не сомневался в том, что бункер есть, просто надо было установить его точное месторасположение и захватить.

Группа Осназа нашла базу, по пути выбив один обнаруженный «секрет» врага, допросив пленного эсесовца из «Адольфа Гитлера». В ходе допроса осназовцы узнали, что в бун-

кере находится сам рейсхфюрер. Обнаружив пропажу «секрета», немцы объявили повышенную готовность, однако явных действий не предпринимали. А вот когда радист вышел на связь, то был быстро запеленгован радиослужбой противника. Группу Осназа на расстоянии окружили, не вступая в визуальный контакт, а когда она стала уходить, попытались взять в плен. Ребята бились до последнего, но задачу разведки выполнили, подтвердив наличие бункера, обнесенного сеточным забором с колючкой, и присутствием в нем главного «Объекта».

Группа Птицына подходила со стороны реки.

«Леша, смотри, вон электростанция, вон водонапорная башня стоит, все, как и описал командир, – переговаривались между собой бойцы группы, рассматривая издали в бинокль объекты, – надо двигать вглубь».

Продвигаясь сквозь густой ельник, группа никого из солдат противника не увидела.

– Что-то непонятно, ни часовых, никого нет.

– Смотри, вот забор, а вон вдалеке церквушка стоит, домики.

«Товарищи, нас пропустили и окружили, – тихо сказал подошедший из тылового охранения разведчик, – я видел фрицев в маскхалатах».

– Ну что, Костя, давай, передавай свою последнюю радиogramму открытым текстом «Объект обнаружен, имеет следующие координаты. Прощайте, товарищи!», а мы примем наш последний бой. Парни, как начнется стрельба, закидываем гранатами сетку, чтобы разорвать ее, и прорываемся внутрь этой закрытой территории.

«Русские партизаны, сдавайтесь! И вам будет гарантирована жизнь, все ваши группы уничтожены, на размышление пять минут», – раздался по-русски голос в рупор.

– Вот так-то, погибли ребята. Давай, и это в радиogramме укажи, что со слов немцев группы уничтожены.

Радист уничтожил коды, после чего застучал ключом морзянку, отправляя на нашу сторону сведения о бункере открытым кодом.

Началась немецкая атака, наши отстреливались, кинув три гранаты, взрывы от которых прорвали сетку, парни втроем кинулись в образовавшуюся дыру и нарвались на пулеметный огонь из замаскированного дота. За несколько минут сопротивление группы было подавлено превосходящими силами. Птицын смотрел на небо, рядом лежал погибший Алексей Малеев со своей «Светкой»: «Все-таки, прав был командир, не надо было лезть сюда, он всегда прав. Прощайте, друзья мои!»

Подождав подошедших немцев, он положил на грудь кулак с зажатой «лимонкой» и разжал кисть.

– Хоть, кого-то заберу с собой!

Симутенина принесла Орлову полученную радиogramму.

«Э-э-эх, Петр, Петр, ведь ты с самого начала был моим командиром отделения и Леха, товарищ мой, столько вместе прошли дорог, в каких мясорубках выжили, и...» – только и смог сказать Сергей, смахнув мужскую слезу.

– Передавай ее в штаб фронта.

Мы, ветераны полка, сидели молча в кабинете штаба. Мне вспомнились слова песни В.С. Высоцкого «Он не вернулся из боя». Вспоминали наших товарищей, когда мы вышли из окружения под Белостоком. «Птичья стая» поредела, лишившись Петра Птицына – главной «птицы», а Петров, Ивашев, Малеев, все те, кто был в составе моей первой роты в Белостоке с самого начала войны и, которых уже нет в живых. Кто же теперь следующий из нас?

Немецкое командование реально оценивало угрозу для своих войск, вызванную прорывом армии Черняховского на стыке групп армий «Центр» и «Юг» Генерал-фельдмаршал фон Клюге распорядился перебросить в место прорыва на усиление 9-й пехотной армии две танковые и три пехотные дивизии, которые также были разбиты советскими войсками. Войска правого крыла фронта на бывшем направлении главного удара, используя успех на Конотоп-

ском направлении, вышли к Десне и, форсировав её с ходу, освободили 16 сентября Новгород-Северский. Здесь на городских улицах дрался наш полк, отжимая немцев из домов к западной окраине города. Жестко дрались, за каждый дом, до смерти своей или врага.

Падение этого мощного узла обороны открыло на этом участке выход на оперативный простор наших танковых группировок, темпы наступления сразу резко возросли. Противостоящая организованная оборона противника фактически перестала существовать. Войска фронта по всей полосе наступления стремительно наступали к Днепру.

Командир охраны объекта «Вервольф» докладывал фюреру: «Сегодня были ликвидированы три русских группы, пытающихся проникнуть к объекту. Русские что-то нашупали, и, как мне кажется, пытаются определить, что это они нашли. Я бы рекомендовал покинуть бункер или, как минимум, усилить полком подступы к нему».

– Я улечу позже, сейчас русские не сунуться к нам. Слишком далеко бункер от передовой. К тому же к Виннице подтянуты резервы из двух пехотных дивизии, которые просит Манштейн.

– Мой фюрер, я прошу все 12 дивизий, которые находятся в резерве, иначе мы не удержим фронт по Днепру.

– Ерунда, вы как всегда перестраховываетесь, Днепр сам является сложной преградой, а ваши саперы еще и сильно укрепили оборону вдоль него.

– Мой фюрер, Днепр на всем протяжении не в силах укрепить никто, мы лишь создали сильные опорно-оборонительные районы.

Получив разведанные и оперативно согласовав проведение операции «Оборотень» со Ставкой, Ватутин отдал приказ и воздушно-десантная дивизия поднялась в воздух, чтобы попытаться захватить бункер с находящимся там Гитлером – это был слишком лакомый кусок.

Радиодивизионы снова работали в усиленном режиме, забивая эфир, хотя, было слишком далеко для уверенного подавления радиосвязи противника. Немецкие станции пеленгования определили воздушную армаду, приближающуюся в направлении Винницы. Наши транспортные самолеты летели под прикрытием истребителей. В небе над Днепром, на дальних подступах к Виннице, началось мощное воздушное сражение. В небо была поднята целая воздушная армия, связавшая боем немецких асов. Много транспортников прорвалось к Виннице и на голову немцам посыпались русские десантники. Но, несмотря на это, немцев, охранявших логово Гитлера, и в готовых к отправке на фронт резервных дивизиях, стоящих в Виннице, было слишком много. Начались ожесточенные бои вокруг и на самой территории объекта, когда наши десантники, приземляясь, с ходу вступали в бой с полком из дивизии «Адольф Гитлер» и полком «Ост», которые понесли серьезные потери, защищая Ставку Гитлера. Однако, перебросив пехоту со станции, десант был ликвидирован, многие красноармейцы погибли, а немногие выжившие, отступали с боями в лесостепи, стремясь уйти в глухие леса Житомирской области. Но немцы вцепились мертвой хваткой, многие группы гибли, принимая последний бой, но кому-то и удалось вырваться.

В их числе были и остатки полка Виктора Шубина, который после разгрома генералом Моделем наших частей полгода назад под Вязьмой, был назначен командиром воздушно-десантного полка и сражался на Воронежском фронте, участвуя в освобождении Белгорода и Харькова. Рассеянные группы десантников отступали, преследуемые частями немецкой пехотной дивизии, которая вместо отправки на фронт занималась ликвидацией остатков десанта. Дивизия оказалась сильно потрепана в этих боях и теперь сама нуждалась в переформировании.

Через пару суток, оторвавшись от противника, примерно рота десантников шла по островку леса, затерявшемуся в степных просторах, правда пересекаемыми глубокими оврагами с высокой осенней травой – сухостоем. Впереди шла разведка, потом основная группа, а замыкал колонну тыловой дозор. Витя Шубин шел расстроенный, снова его полк разбит, уже тре-

тый раз он теряет своих товарищей. Правда, сам он жив и должен вернуться в армию. Его размышления прервал оклик разведчика: «Товарищ полковник, передовой дозор обнаружил нашу радистку, сейчас ее приведут!»

Через несколько минут появился разведчик, сопровождающий высокую уставшую девушку в грязном камуфляже.

«Здравие желаю, товарищ полковник, старший сержант Ольга Болхова, радист батальона разведки 60-й армии, была заброшена в тыл врага для выполнения боевого задания», – представилась девушка.

– Почему одна, откуда идете?

– Из-под Винницы, группа нарвалась на немцев из-за предательства местных жителей, командир приказом отправил меня в тыл, чтобы я постаралась оторваться от врага и передать добытую информацию, но рация из-за попавшей воды перегорела, а моя группа приняла бой и вся погибла.

– Из-под Винницы, говоришь, значит, вы единственная, кто выжил из трех групп.

– Две группы тоже погибли?

– И целая десантная дивизия тоже.

– Значит, все зря?

– Да, нахрапом их взять не удалось, до Гитлера мы не добрались. Почему зря? Немцев мы хорошо покусали, эти резервные пехотные дивизии теперь не смогут усилить немецкий фронт. Так что не все зря, только досадно, что главной цели не добились.

– Полковник Кольцов так и сказал перед нашим отлетом, что зря все будет, я еще разлилась на него тогда, и про предателей местных сказал. А все по его словам вышло.

– Кто, Сашка Кольцов, ты его знаешь?

– Ну я разговаривала с ним на аэродроме, он свою группу провожал, он гвардии полковник. Я еще подумала, что такой молодой – не больше тридцати лет, а уже в таком звании. Он в каком-то полку служит на Центральном фронте, насколько я поняла. Он так и сказал, что историю не поменять и сейчас до Гитлера не добраться. И еще он сказал: «Петр, ждем тебя и двинем на Чернигов».

– Если он сказал, значит, так оно и будет. Все верно, это тот самый мой сослуживец, не прекратил, значит, свои предсказания, оракул. Эх, Оля, было время, когда мы с ним от Вязьмы до Москвы топали в 41-м, тяжелое время, холодное и жуткое, но прорвались и выжили. А вот потом раскидала нас судьба военная. Ладно, товарищ старший сержант, зачисляю тебя в наш отряд, и продолжаем движение к нашим частям. Раз Саня сказал топать на Чернигов, значит, и мы туда направимся. Ведь нам все равно, где врага громить, а там будет интересно, а, парни?!

– Все равно, идем на Чернигов, командир!

По пути к Шубину присоединялись еще несколько выбравшихся из облавы десантников и молодых местных жителей, ушедших в партизаны.

Глава 5. К берегам Десны

«Товарищ командующий, наши войска уверенно продвигаются к Чернигову и дня через три будут у его стен. Разрешите осуществить десантную операцию силами полка. Мы ударим в тыл немецким войскам, защищающим города, когда вы будете штурмовать его. Мы бы и на имеющейся технике прорвались, да водных преград и болот много. Вот разработанный штабом полка план десантной операции по освобождению города, с учетом взаимодействия с подпольем и местными партизанскими отрядами», – убеждал я Рокоссовского и Малинина.

– Уверен в успехе?

– Однозначно, товарищ командующий.

Добро было получено и батальоны Воронова, Ледкова и Гаджоева, радиовзвод Орлова под моим общим командованием выдвигались на аэродром для ночного вылета и десантирования. Радиодивизион передислоцировался на спецмашинах вслед за наступающими частями к Чернигову. За 1943 год все боевые подразделения нашего полка имели по три и более учебных прыжка, в том числе и ночной. Зная, как видны белые купола парашютов в ночном небе мы кипятили минут по 10 парашюты, находящиеся в подразделениях полка в воде с разведенной медицинской зеленкой, отчего те приобретали достаточно темный зелено-синий цвет.

Готовя операцию, штабом была проведена большая подготовительная работа: разработан план действий полка на месте, согласовано взаимодействие полка с Черниговским партизанским отрядом, который должен был подготовить нам освещаемую кострами площадку и обеспечить связь с городским подпольем.

«Сомнения прочь, уходит в ночь отдельный десятый наш десантный батальон...» – напевая про себя слова этой песни, я погрузился в самолет, который совершив разбег по полю, поднялся в ночное небо. В десантировании батальонов было задействовано несколько грузовых самолетов. Командир экипажа сказал, что будем лететь примерно час десять по времени. Минут через пятьдесят последовала команда «На выход».

– Не слишком ли рано, вы же сказали, что час и десять минут в полете будем, а мы летим 50 мин?

– Видим костры внизу, место, примерно, совпадает.

Полк начал десантирование, после чего грузовые самолеты развернулись и ушли домой. Небо было темным, Луны совсем не было, только светили звезды. На подлете к земле и приземлении по нам заработали пулеметы. Всех, кто приземлялся в освещенный кострами квадрат, расстреливали и, мало кому удалось, отстегнув парашют, залечь в поле и занять оборону. Досталось, в основном, десантникам первого самолета, которые просто первыми добирались до земли. Хорошо, что дул несильный осенний ветерок, и остальные парашютисты, видя засаду, стали активно работать стропами, чтобы улететь подальше от освещаемого костром поля. Радовало лишь то, что на фоне неба парашюты не так сильно выделялись, поэтому немцы хоть и стреляли в небо, но, скорее наугад.

«Это предательство!» – проорал мне Ледков, приземлившись рядом со мной на поляну, расположенную метрах в 100 от поля с кострами.

Мы скидывали парашюты, доставали автоматы и занимали позиции, прикрывая еще летящих товарищей. Рассмотрев бегущих к нам немцев, открывали по ним огонь. Немцы правильно организовали засаду, но не рассчитали лишь того, что десантировалась не группа численностью взвод – рота, а практически 1000 человек. Тех, кто приземлялся точно на поле, начинали еще в воздухе палить из автоматов по окружающим поле деревьям, за которыми были прячущиеся фрицы. Толку было мало, попасть в кого-то из сидящих в засаде было нереально, разве что случайно, но психологический эффект от этого определенно был. Когда рядом сви-

стят пули, уже не так свободно выцеливаешь новую жертву. Разведчики, которые приземлялись вдалеке, сбрасывали парашюты и, организовываясь в группы, обходили вражескую засаду с флангов или тыла, другая часть десантников залегала за естественными укрытиями, и вела фронтальный огонь. В итоге 350 немецких солдат было окружено и уничтожено. Пленные, которые были позже расстреляны, толком ничего сказать не могли, кроме того, что их подняли по тревоге из Черниговского гарнизона, а до Чернигова 30 километров. Мы потеряли почти 300 человек убитыми и ранеными.

«Хорошее начало операции», – проговорил Конышев, включенный в состав отряда.

«Операция продолжается по плану. Оставляем Тяпова, медбратьев и роту охраны, а сами выдвигаемся в сторону Чернигова. По идее, нам устроили ложный аэродром, а что это значит?»

– Это значит, командир, что в партизанском отряде сидит предатель, причем, он имеет доступ к секретной информации.

– Верно, Сереж! Орлов, связывайся с базой, пусть Недогаров требует назад самолеты для того чтобы забрать раненых, сигналом места приземления будут костры и две красных ракеты.

Более шестисот человек двигалось в сторону Чернигова. Благодаря предательству, мы оповестили власти города о своем присутствии. Значит, требовалось уйти в лес и затаиться на пару дней, чтобы успокоить комендатуру. Наверняка, из брошенного на нас немецкого батальона кто-то ушел, и расскажет об итогах ночного боя по уничтожению десанта под Черниговом.

Размазнов передавал для нас информацию о том, что партизаны не дождались самолетов с десантом и, чтобы не привлекать немцев, ушли на свою базу. Радисты Орлова приняли ее и дешифровали.

«Ничего не понимаю, где предатель засел? – спросил Ледков. – Если в партизанах, то почему они устроили костры?»

«Как почему, командир-то у них не предатель, и они сделали все, как полагается, а вот то, что предатель передал эту информацию о десанте врагу, это другой вопрос. Придется выяснять, кто он и где окопался», – ответил Конышев.

«Значит, давайте партизан окружим и всех причастных допросим!» – вставил свои пять копеек Лавриков.

«Да, нас побольше будет, окружить сможем и повязать, только ерундой мне голову не забивайте, шутки вам все шутить», – ответил я.

В партизанский отряд было передано, что десант попал в засаду, высадившись на ложные костры, и принял бой. Сейчас его остатки двигаются в направлении места встречи с партизанским отрядом. К месту встречи подошло отделение бойцов с Конышевым во главе. Его встретил командир отряда лично. После краткого знакомства, командир генерал-майор Алексей Фёдорович Фёдоров подошел к нашей основной группе, лежащей в засаде. Этот человек был одним из организаторов Черниговско-Волынского партизанского соединения и явился одним из создателей теории партизанской войны, апробируя свои идеи непосредственно на практике. За свои заслуги в феврале этого года Верховным командованием был произведен в генерал-майоры. Вместе с ним подошел и комиссар его соединения Герой Советского Союза Дружинин.

К ним вышли я и начальники батальонов. Произошло краткое знакомство, после чего мы ввели Федорова и Дружинина в курс дела о ночном происшествии.

– Алексей Федорович, есть большая вероятность того, что в ваших рядах появился предатель, который имеет доступ к радиোগраммам или к совещаниям штаба.

– Задал ты задачу, Александр Павлович, с большой вероятностью понятно, а малая вероятность какая?

– Малая означает то, что предатель находится в штабе фронта или радиоцентре фронта.

– Давай, значит, будем работать в двух направлениях, по нашим и вашим бойцам.

– Согласен, Алексей Федорович. Орлов, подготовь для Янова в особый отдел фронта шифрограмму следующего содержания.

Я составил текст радиogramмы, радист-шифровальщик ее закодировал и передал на базу для Недогарова. Дальше он должен был «командовать парадом». На следующий день мне передали из радиocентра, что Янов принял информацию в разработку и аналитическое подразделение отдела, в том числе, известная нам Боярова и сам Янов занялись этим делом. Это не шутка, если в штабе фронта мог появиться вражеский агент.

Через сутки к нам подошла рота с Тяповым. Федоров также организовал негласную проверку информации о своих бойцах, кто недавно пришел, кто ведет себя подозрительно и так далее. С ними от нас работал Рома Конышев, как человек с хорошими аналитическими способностями, и Ледков, проявивший себя, как настоящий оперативный работник в одном лице объединивший опера, дознавателя и следователя. Была придумана разная дезинформация, оформленная приказами по отряду и доведенная до нескольких подозреваемых лиц.

«Я уверен во всех наших бойцах, которые имели доступ к вашей информации заранее. Чай, не один год с ними», – говорил мне Дружинин.

«Не спорю, иначе бы вас давно бы вычислили немцы и уничтожили, но проверить мы обязаны», – соглашался я.

Вместе с бойцом отряда, являющегося связником между подпольем города и отрядом, я, переодетый в обывателя, шел на встречу с городским подпольным активом. Встреча произошла в частном доме, в котором жил полицейский, который и встретил меня в форме с двумя подручными.

«Александр Павлович, спокойно, здесь все свои», – предупредил меня связник.

Меня завели в дом, где я увидел двух женщин.

«Проходите, пожалуйста, служба в полиции – это лучшее прикрытие для подпольщика, – сказала старшая, – меня зовут Анастасия Александровна Головкова, я состою в городском совете народных депутатов Чернигова. А это моя дочь, Инна, тоже бухгалтер одного из наших городских предприятий и участник подполья. А сейчас мы пройдем в подвал, где у нас оборудован штаб и одновременно жилая комната. Там вы познакомитесь с секретарем нашего горкома – главой городского подполья и другими товарищами.

«Меня вы уже знаете, Анастасия Александровна, давайте пройдем к остальным», – ответил я.

Спустившись в подвал, я увидел человек 10 мужчин и женщин, сидящих вокруг стола. Я представился и услышал в ответ имена присутствующих, в том числе, познакомился с главой подпольщиков Чернигова Иваном Ивановичем Красильниковым, секретарем Черниговского горкома, его заместителем по работе в подполье Михайленко, бывшему ранее секретарем партийной организации телефонной станции, кстати, довольно боевому мужику и участнику двух войн, и Лилией Головковой, начальницей одного из отделов городской телефонной станции.

– Товарищи подпольный актив города Чернигова, я командир диверсионного полка, гвардии полковник Кольцов Александр Павлович. Задачей полка в этой операции является занятие основных объектов города, блокирование вражеских частей в казармах, захват или вывод из строя техники врага. Нам окажет помощь Черниговский партизанский отряд. Ваша задача предоставить мне адреса с указанием их на карте, следующих объектов: вокзала, телеграфно-телефонной станции, городского радиоузла, штабов немецких частей, складов и казарм. Сегодня 18-е сентября, завтра день на сбор и обобщение информации, ознакомление с ней командиров и бойцов моего отряда, чтобы определить каждому свои задачи.

Я переночевал в доме полицейского, а после полудня у меня была запрашиваемая информация. Сидя за столом с Асей Александровной и двумя полицейскими мы разобрались в информации, я сделал соответствующие отметки и ушел в партизанский отряд. В лесу меня перехватил предупрежденный обо мне часовой и довел в штаб.

Я сидел в штабе отряда вместе с Федоровым и остальными командирами партизан и нашего полка, на котором мы планировали боевую операцию с определением конкретных задач каждому подразделению.

«Товарищ генерал-майор, наши дозорные на подступах к городу перехватили отряд из десантников, командир назвался полковником Шубиным и человек 200 бойцов с ним будет. Говорят, что они из-под Винницы идут», – доложил прибежавший из дальнего дозора боец.

«Полковника зовут Виктор Шубин?» – спросил я.

– Так точно!

– Тогда это свои, Шубин был моим комполка в 1941 году, потом был ранен и лечился в госпитале, его полк из-за потерь расформировали, а Виктор позже служил под Ржевом. В общем, давайте я его увижу и, тогда он сам расскажет.

На том и порешили. Я прогулялся вместе с начальником отрядной разведки к дозору и увидел потрепанных в боях, грязных, но геройского вида, ребят. На полянке сидел комполка Виктор Шубин собственной персоной.

– Виктор, живой, здорова полковник!

– Саня – ты! Здорова, чертяка!

Мы обнялись.

– Вить, какими судьбами-то тут?

– Из-под Винницы идем. Высадились мы целой десантной дивизией, да у немцев эти эсесовцы из «Адольфа Гитлера» и «Остовцы», чистые звери – дрались сильно, не хуже нас. Но все было бы ничего, но тут они с Винницы две дивизии резервных перебросили и развернули против нас.

– Чем дело кончилось?

– В общем, не успели мы до Гитлера добраться. Сам лично закидал гранатами его домик деревянный на объекте, а потом, что тут можно сказать, разбили нас в пух и прах. Когда мы увидели, что не то, что к Гитлеру, а с территории бункера нас отгеснили, то стали отходить на север, стремясь уйти в леса. Почитай тысяч 14 наших там осталось. Вот эти ребята, все те, кто смог отступить со мной. Думаю, что еще есть отступившие отряды и группы, но мы их не встретили, а гражданские, так те по пути прибились – типа партизаны.

– Да, дела, ну, а сюда, как дошли?

– Не поверишь, пробираемся мы то полями, то рощицами, и видим, нам навстречу выходит женщина – воитель, как их там в прошлом называли?

– Амазонки, что ли?

– Точно! Видим, амазонка нам навстречу идет – покажись Оль, не скромничай! Она и рассказала, что на аэродроме ты говорил старшему группы Петру, кстати, не Птицыну ли, о том, что пойдете на Чернигов? Тут я и понял, что там, где Шурик, там победа, значит, и нам надо туда топтать. Вот мы и пришли. По пути диверсии устраивали, штук пять деревень освободили, вот из них несколько молодых пацанов к нам и присоединилось, да по пути пара отрядов человек по двадцать добавилась.

Появилась Ольга.

«Молодец, Олечка, смогла остаться в живых!» – я обнял ее и прижал к себе.

– Вы оказались правы, товарищ гвардии полковник, предали нас и чужие жители, и свой офицер.

– Ничего, за двух небитых одного битого дают, зато грамотнее воевать будешь.

В общем, десантный отряд пропустили к партизанской базе, а Виктор принял участие в совещании.

Наступила ночь на 20 сентября. Погода несколько ухудшилась, небо затянуло тучами, было ощущение надвигающейся грозы, но ночь оказалась спокойной. Достаточно близко от города затихали отзвуки фронтальной канонады. Я не знал, перешли наши части Десну или нет,

но завтра точно перейдут выше и ниже оборонительных редутов врага и атакуют город. Ведь без этих подкреплений нас просто раздавят.

Немцы построили достаточно мощные и укрепленные позиции вокруг города. Бои на подступах и за сам областной центр были трудными и жестокими. Немцы оборонялись отчаянно, сдерживая наши части на рубеже, проходящем по реке Десна.

Согласно данным статистического бюро городской управы на 1 января 1942 года в Чернигове проживало 30 тысяч городского населения, в отличие от 1940, когда жителей было 67 тысяч. Таким образом это и до войны был достаточно небольшой областной городок, а сейчас стал и того меньше.

Разрабатывая план атаки, предполагалось, что в город войдут кадровые военные, которые должны были блокировать немецкие части в городе. Основные силы гитлеровцев были выведены на позиции вдоль реки, прикрывающие город с флангов и, непосредственно, с восточного направления. С учетом этого задача была вполне по силам нашей группе, потому что было необходимо блокировать несколько казарм с подразделениями СС и резервным пехотным полком, комендатуру с комендантской ротой и, по возможности, уничтожить их. После этого, освободившиеся силы должны были либо ударить в тыл фронтовым частям, либо, заняв оборону, не допустить вступления в город отступающих с передовой гитлеровцев. Никаких молниеносных атак совершать мы не собирались. Планировалось тихо ночью подобраться на возможно близкое расстояние и аккуратно провести захват перечисленных зданий. Партизанский отряд должен был захватить созданный в пригородном селе Подусовка концлагерь СД, где содержались наши военнопленные и люди, заподозренные в связях с партизанами и подпольщиками. Для работы в подсобном хозяйстве СД на территории лагеря, Черниговская городская управа направляла девушек, которые должны были ухаживать за коровами, свиньями и лошадьми. С 15 июня 1942 года в соответствии с распоряжением Черниговской комендатуры на территории Подусовского лагеря начала функционировать колония для детей возрастом от 10 до 15 лет. Как разъясняла городская газета «Українське Полісся» «для обеспечения заботы и ухода за детьми в колонию принимаются круглые сироты и беспризорные по заявлениям бургомистров и отделов социальной опеки Черниговской районной управы». Комендант лагеря лейтенант Ридель, и начальник детской колонии гауптман Брутбек жили в хороших домах в самом Чернигове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.